

Если
СЛУЧИТСЯ
ЧУДО

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ.ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. ШЭН

Если случится чудо

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шэн Л.

Если случится чудо / Л. Шэн — «Эксмо», 2019 — (Freedom.
Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-180229-5

Проведенная вместе ночь из чувства мести. Химия, которой никто из нас не смог сопротивляться. Мы подписали договор на салфетке в пабе. Договор о том, что если когда-нибудь встретимся снова, то бросим все, чтобы быть вместе. И вот восемь лет спустя он здесь. В Нью-Йорке. И он – кумир Америки. Недостигаемый певец, который ставит на место руководителей звукозаписывающих компаний. Вьюга в моем идеальном, нерушимом снежном шаре. Когда мы разговаривали в последний раз, Мэлаки Доэрти был нищим, который не собирался становиться королем. Но он им стал. Вот только я уже не та слабая принцесса. У меня есть любимая работа. Парень, обожающий меня. Я изменилась. Он тоже. Мэл сохранил салфетку. Но сдержу ли я свое слово?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-180229-5

© Шэн Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	32
Глава четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Л. Дж. Шэн

Если случится чудо

L.J. Shen

IN THE UNLIKELY EVENT

© Конова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Кристине Линдси, одному из самых добрых людей на этой планете. Ты преждевременно покинула нас, пока я писала эту книгу. Мы вспоминаем тебя каждый раз, когда падает снежинка или мигает лампочка.

Не могу позволить вам испепелить меня, но и сопротивляться вам невозможно.

Ни одна живая душа не способна, вступив в огонь, не сгореть.

А. С. Байетт

Глава первая

Наши дни

Рори

Моя жизнь заключена в красивый снежный шар.

Тот, что давным-давно не доставали с пыльной полки и не встряхивали. Мирная и застывшая – со стороны моя ухоженная «швейцарская деревушка» идеальна. Так и есть. Почти. Похоже, к двадцати шести годам я добилась всего, чего хотела.

Идеальная работа.

Идеальная квартира.

Идеальный парень.

Идеальная ложь.

Ну в общем-то это не совсем ложь. Все мои свершения реальны. Я приложила для того все усилия. Проблема в том, что восемь лет назад я поклялась без раздумий всем пожертвовать, если снова с ним столкнусь. Но тогда я была совсем другим человеком.

Я ощущала потерянность. Переживала утрату. Пала духом. Запуталась.

Но что с того, если прошлое осталось в прошлом и сейчас я смотрю совсем не на него. Нет. Быть того не может.

Ни за что.

Почему тогда не удастся оторвать взгляд от загадочного незнакомца, что плавной походкой вошел в банкетный зал отеля «Берчман» и привлек всеобщее внимание?

Разрумянившиеся под неумолимым зимним ветром щеки, аристократичный квадратный подбородок, римский нос и губы, предназначенные для воплощения самых порочных грехов и еще более аморальных утех. Черные как смоль растрепанные волосы завиваются возле ушей, будто изрядно потрепанный плющ. Задумчивый взгляд раскосых глаз, крепкие плечи и узкие бедра – он не просто привлекателен, он идеален. Слишком идеален.

Я алчно желаю разглядеть в нем, как и во всех безжалостных сказочных принцах, признак бессмертия, отличие от рода людского. Доказательство того, что подобное совершенство невозможно.

Заостренные уши. Клыки. Хвост.

Господи боже мой, да хоть что-нибудь. Что угодно.

Он высокий, но не поэтому на него обращают такое пристальное внимание. Нет, Мэлаки Доэрти вызывает у людей восхищение, только это никак не связано с высоким ростом, модным прикидом или миллионами на банковском счету. Одно его существование вынуждает женщин падать ниц. Я уже это наблюдала. Наблюдаю и сейчас.

Все взгляды на этом балу прикованы к загадочному мужчине, включая мой.

Хватит, Рори. Это не он.

Вот бы только взглянуть ему в глаза. Только так я могла бы положить этому конец, убедиться, что это не он. Таких глаз ни у кого больше нет. Они редкого фиолетового оттенка, напоминающего измельченный леденец.

«Дефицит меланина в сочетании с отражающимся от кровеносных сосудов светом», – объяснил Мэл в ночь, когда одним движением лишил меня невинности, сердца и трусиков.

Я наблюдаю, как мужчина деловито проходит мимо охраны в вип-ложу, не обращая внимания на любопытные взгляды женщин, томно прикусывающих губы. Даже знаменитости кидаются ему на шею и пытаются завязать беседу, подстраиваясь под его небрежную походку.

Крупный лысый вышибала отцепляет красную бархатную веревку, разделяющую смертных от небожителей.

Мужчина, который никак не может быть Мэлом, неторопливо подходит к бару, разглядывая что-то. То есть кого-то – магната звукозаписывающей компании Джеффа Райнера, на коленях которого расположилась подающая надежды звезда R&B-музыки Элис Кристенсен, известная как Элишес. Лицо сорокалетнего Джеффа красное от злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Мужчина подходит, Райнер встает, а Элис соскальзывает с его колен, со шлепком упав на пол. Перешагнув через нее, он стремглав подлетает к таинственному человеку, с пафосом падает на колени и, выдернув из нагрудного кармана стопку денег, машет ею перед лицом незнакомца. Мужчина, который точно не Мэл, с безразличием ухмыляется, вырывает деньги из пальцев-сарделек Райнера и засовывает их в карман пальто. Попутно что-то говорит Райнеру, и тот спешно поднимается на ноги.

Эта сцена все ставит на свои места.

Мэл скорее бы умер, чем заключил сделку с акулой вроде моего босса. Устроил бы ритуал самосожжения, чем пришел на гламурную вечеринку. Выпил бы яд прямо из бутылки, чем связался с таким, как Джефф Райнер.

Мэл не равнодушный надменный позер. Он сам делает себе стрижку, дает пять незнакомцам и считает коричневый соус¹ лекарством от всех невзгод. Мэл презирует пышные мероприятия, развлекательные журналы, типичные звукозаписывающие компании и изысканные блюда. Он обожает свою маму, веселится и пьет до упаду и пишет песни под бескрайним ночным небом, лежа у себя на заднем дворе. Он отказался от чека в шестнадцать тысяч баксов, который ему хотела всучить популярная поп-певица, чтобы купить одну из его песен, и здорово повеселился, когда ее озадаченный менеджер и агент пытались понять значение слова «нет».

«Но так было восемь лет назад, – посещает меня мысль. – И только на двадцать четыре часа».

Что я знаю о настоящем Мэлаки Доэрти?

Что я вообще о нем знала?

– А вот и она.

Кэллам обвивает руками мою талию. На долю секунды меня застает врасплох этот аристократичный британский акцент, и от неожиданности я вздрагиваю.

– Красавица бала, – чувствую возле уха его холодные с улицы губы.

– Ты успел. – Я поворачиваюсь, обхватываю его шею руками и быстро, как будто прикладывая карточку учетного времени, чмокаю в губы. На Кэлламе светло-серый рабочий костюм.

– А могло быть иначе? – морщит он нос.

Никогда. Кэллам – самый пунктуальный и надежный мужчина, с которым я встречалась. Полная противоположность эксцентричному, необязательному Мэлу. Снова взглянув на своего парня, я вижу, что он не забыл повязать мой любимый галстук. Темно-зеленый с золотистыми полосками. Где-то через две недели после начала наших отношений мы были в магазине и я сказала, что галстук напоминает мне об Ирландии. Кэллам тут же его купил.

Я выдергиваю из сумочки фотоаппарат, подаренный им на день рождения, и делаю снимок богатого парня с пухлыми губами, который заглядывает мне в глаза в поисках одобрения.

Четыре года назад после окончания колледжа я стала подрабатывать на фрилансе фотографом в «Блю Хилл Рекордс». Они платили какой-то мизер, но «мизер» лучше обычного «ничего», которым меня награждали первые три года стажировки. Еще я подрабатываю барменом, чтобы хватало на аренду баснословно дорогой квартиры на Манхэттене.

¹ Традиционная британская приправа на основе финика.

Я сама выбрала жизнь банальной нищенки с Манхэттена. От умершего отца мне досталось наследство, но я не собираюсь к нему прикасаться. Такая мысль даже в голову мне не приходит. Будь моя воля, сожгла бы эти деньги, но тогда маму хватит удар, а я не хочу, чтобы ее смерть оказалась на моей совести.

Мне никогда не нужны были деньги. Я просто хотела общаться с отцом.

– Выглядишь великолепно, любовь моя. – Кэллам обхватывает мой подбородок большим пальцем и заставляет поднять голову.

Неужели правда? Мужчин вроде Кэллама обычно привлекают девушки другой породы. У меня бледная, почти болезненного вида кожа, большие зеленые глаза, густо обведенные подводкой, кольцо в носу и неувядающая любовь к панк-року, которая, наверное, немного не к лицу девушке зрелого возраста, приближающегося к двадцати семи годам.

Сейчас мои волосы выкрашены в платиновый блонд, но проглядывает золотисто-рыжий натуральный оттенок. «Как земляника на снегу», – говорит Кэллам, когда у меня отрастают корни. Я одета в платье в красно-белую полоску, ботинки, на шее чокер с шипами, а волосы повязаны в небрежный конский хвост. Проще говоря, я могла бы сойти за старомодного призрака, который попал к Спенсерам².

Порой я подозреваю, что в первую очередь Кэллам запал на мой облик. На эту чудачковатую яркую обертку, которая подняла бы ему статус гораздо быстрее, чем обычная искусственная жenuшка.

«Вы только взгляните, какой Кэллам современный и прогрессивный со своей модной артистичной девушкой, хватающейся за любую серьезную работу. У нее натуральная грудь, и она не знает с продавщицами из «Нейман Маркус»³».

– Я похожа на кого-то из актерского состава «Битлджуса», – смеюсь я, целуя его в шею. От его хриплого стога по телу пробегает дрожь.

Тыльной стороной кисти Кэллам убирает выбившийся из моей прически локон и прижимается губами к оголившемуся местечку на шее.

– А мне нравится «Битлджус».

Он ни разу не смотрел этот фильм. Кэллам признался еще на первом свидании, но поправлять его не к месту. Как будто я нарочно ишу проблемы в наших отношениях.

– А знаешь, кто еще мне нравится? – Кэллам наклоняется, чтобы еще раз поцеловать меня. – Ты в том колье от «Тиффани», что я тебе купил.

Ах да. То, что он подарил мне вместе с подходящим платьем, потому что я, конечно, классная, но рядом с его друзьями не всегда выгляжу так, как надо.

– Полегче, мне через пару месяцев исполнится двадцать семь. Не подавай идей, – подтруниваю я над ним. Слова кажутся пустыми, но я-то знаю, как ему приятно их слышать.

– Отец любит говорить: «Напугал шлюху членом». Знаешь, что это значит, Аврора Белль Дженкинс?

Вот такой он, мой парень – брокер с Уолл-стрит. С дипломами Итона и Оксфорда. Сквернослов с безупречными манерами.

Мужчина, чья единственная вина заключается в том, что его одобряет моя мать.

Богатый. Влиятельный. Образованный.

Надежный. Добрый. Скучный.

Но мама не знает, что Кэллам мне нравится вопреки этим качествам, а не благодаря им. Прошло полгода, прежде чем я уступила его настойчивости, потому как знала, что он нравится матери, а то, что ей нравится, обычно фальшивое и пошлое.

² Мультфильм «Мой друг – призрак», где один из героев – призрак музыканта Билли Джо.

³ Американская сеть роскошных универмагов.

Он обхаживал меня несколько месяцев. А потом вдруг появился в тот самый бар на первом этаже его дома, где я и работаю, и стукнул кулаком по барной стойке.

– Скажи, что мне сделать, чтобы ты стала моей, – небрежно пробормотал он тем вечером.

– Перестань выглядеть таким собранным и здравомыслящим, – невозмутимо заявила я. – В тебе есть все, что желает для меня мать. А моя мать всегда ошибается в своем выборе.

– Поэтому ты постоянно отказываешь? – Кэллам недоуменно нахмурился. – Я прихожу сюда каждый вечер, умоляя дать мне шанс, а ты не соглашаешься, потому что я, не дай бог, могу понравиться твоей матери?

Я пожала плечами и, протянув руку за очередным запотевшим стаканом, вытерла конденсат.

– Да я же полный отморозок. Меня отчислили с первого курса Оксфорда. С позором. И не потому, что плохо учился.

Я приподняла бровь, со скепсисом ему улыбнувшись. Этого мне мало.

Кэллам громко выдохнул, тряся руками так, будто готовился к марафону.

– Ладно, сейчас придумаю. У меня на заднице родимое пятно размером с кулак. Я до сих пор ем на завтрак глазированные хлопья. Каждый божий день. Тренер говорит, что у меня руки как у Риса Иванса, соседа Хью Гранта из «Ноттинг-Хилла». Я... я... я не умею плавать! – Он ликующе вскинул руки вверх, и посетители рядом с нами отвлеклись от своих стаканов и заулыбались.

Я хихикнула, качая головой. Может, Кэллам не без изъянов, но он совершенно не похож на тех придурков, к которым меня обычно тянуло. Дебби, моя мать, постоянно сетовала, что мне нравятся последние отбросы общества. Испорченные, непризнанные пьяницы, которые могут принести только боль и венерические заболевания.

Доля правды в ее словах была. Я нечасто засматривалась на мужчин, но если так случилось, то заморочек у них было больше, чем страниц в журнале «Вог».

Тут Кэллам наклонился вперед и, распластавшись на барной стойке, прикрыл рот руками, словно собирался что-то прошептать мне на ухо.

– Могу я поведать тебе тайну?

– Боюсь, ты в любом случае это сделаешь.

– Думаю, ты появилась на этой земле, чтобы стать моей погибелью.

Я рассмеялась и сделала шаг назад. В голове всплыл давний разговор с Мэлом, и я вспомнила, что уже слышала эти слова много лет назад. Я никогда не забывала все, что мы с ним друг другу говорили.

Мэл сказал, что я могу уничтожить его.

Он тогда не знал, что в каком-то смысле тоже меня уничтожил.

Каждый день, что я жила без него, тянулся как улитка, оставляя за собой дорожку слизи.

– Ладно, парень, вызову-ка тебе такси, – похлопала я Кэллама по руке.

Тогда я еще не знала, что в этом здании ему принадлежит целый пентхаус.

Он снова надул губы.

– Я серьезно.

Кэллам прекрасно понимал, что привлекателен. Знал о своих достоинствах, очаровательном акценте, умел обработать девушку так, чтобы она дала ему номер. Увы, на меня такие чары не действовали.

Отставив в сторону чистый стакан, я закинула полотенце на плечо.

Кэллам потер большим пальцем губы.

– Могу я поведать тебе еще один секрет?

Именно в эту секунду я заметила: даже когда он не надувает губы, они у него безумно чувственные.

– Ты всегда просишь разрешение перед тем, как задать вопрос? – Я с интересом наклонила голову.

Кэллам рассмеялся:

– Хочешь верь, хочешь нет, но обычно спрашивают разрешения у меня. Кстати, я ведь не пьян. Видишь это пиво? Ты налила мне всего одну пинту, и стакан стоит полный. Аврора, я не надираться сюда пришел. Я пришел ради тебя.

Я застыла, не сводя глаз с пинты пива. Он говорил правду. Я знала, потому что обслуживала его каждый вечер. До меня дошло, что дорогой одеждой, безупречностью манер, сдержанностью Кэллам совершенно не похож на Мэла. Возможно, именно он мне и нужен, чтобы в голову перестали лезть непрошенные воспоминания об ирландском поэте.

Значит, Кэллам совершенно не похож на моего отца.

Значит, ради себя же самой я должна дать ему шанс.

Он моя работа над ошибками. Мой второй шанс. Мое спасение.

– Так что? Пойдешь со мной на свидание? – упрасивал он. – Обещаю доказать, что я на удивление неуравновешенный, малость безграмотный и жутко непредсказуемый.

– Ладно, – закатила я глаза и беззаботно улыбнулась.

– Ха! – Он торжествующе ударил по барной стойке. – Было немного непредсказуемо, правда? – Кэллам развалился на стуле и отпихнул от себя стакан пива, как будто тот внушал ему отвращение. – Дамы не в силах мне отказать, – бросил он.

Вернувшись мыслями в банкетный зал, я глубоко вздыхаю, глядя на Кэллама.

– А ты, без сомнений, хочешь поведать мне все о шлюхах и членах, – говорю я, чувствуя его возбуждение через узкие брюки и свое платье.

К слову, тем вечером в баре Кэллам соврал. У него нет ни одного грубого, опасного или случайного изъяна. Что касается родимого пятна? Его кожа чиста, как белоснежный лист бумаги.

Кэллам Брукс в длинных белых носках, с золотисто-бежевыми волосами, внушительным ростом и подтянутым телом хорош собой, словно глава семьи, проживающей в летнем домике в Нантакете, у него два или три ребенка, а по выходным он щеголяет в рубашке поло и играет в гольф. Моя лучшая подруга Саммер любит прикалываться, что он выглядит как идеальный кандидат в партию Дэвида Дюка⁴.

Кэллам смотрит мне прямо в глаза.

– Я сторонник моногамии, мне тридцать два, и мы встречаемся почти год. Рори, меня не пугают обязательства. Если бы все зависело от меня, ты переехала бы в мою квартиру уже завтра утром.

Я расстегиваю его пиджак и развязываю галстук, просто чтобы чем-то себя занять. Мне тоже нравится Кэллам, но год – недостаточный срок для того, чтобы съезжаться.

«Тебе это не помешало через двадцать четыре часа после знакомства наобещать Мэлу провести с ним остаток жизни», – думаю я.

Да, но тогда я только-только познала член и оргазм, доставленный мужскими руками. До сих пор продолжаю искать оправдания своим поступкам, совершенным в восемнадцатилетнем возрасте.

Кэллам ведет меня к столику. Мы подсаживаемся к типам из бухгалтерии и маркетинга в деловых костюмах, они жуют закуски, обсуждают хеджевые фонды и новые пляжные городки, затмившие Хэмптон.

Кэллам непринужденно вливается в разговор, попивая через трубочку содовую. Он по-прежнему не берет в рот ни капли спиртного. Я заостряю внимание на своих коллегах, стараясь выбросить из головы мужчину в вип-ложе.

⁴ Политик с радикальными взглядами.

Как я уже говорила, это не Мэл. И... ну ладно, ладно. Давайте сделаем уступку моему безумному мозгу и представим, что это он. Ну и что? Он меня не заметил. Ну а я не собираюсь к нему подходить. Наверное, он заскочил в город на пару денечков. Мэл удивительно предан своей семье, ферме, стране. Познакомившись с ним, я сразу это поняла. Этот мужчина не переедет в Америку. Даже ради девушки.

Тем более ради девушки.

И точно не ради этой девушки.

Ради денег? Ему на них плевать. Всегда было плевать.

Я покусываю хлебную палочку, опрокидываю два бокала вина и оказываюсь втянутой в бурную беседу о пляжных домиках и лучших туалетах на Манхэттене (лидирует мебельный магазин на углу Хаустон-Ист и Бродвея). К нашему столику плавной походкой направляется Уитни, помощница Райнера и чертова сука. Ее бедра раскачиваются как маятник. Платиновые волосы уложены в короткий боб так четко, будто парикмахер пользовался линейкой. Платье, напоминающее БДСМ-униформу, скроено из кожаных полосок, прикрывающих лишь грудь и бедра. Уитни наклоняет голову и выпячивает алые губы.

Люди за столиком замолкают, потому что Уитни хранит секреты так же, как я воздерживаюсь от углеводов. Пример: хлебные палочки и вино.

– Аврора, – вкрадчиво произносит она, положив на талию руку с идеальным маникюром.

Все зовут меня Рори, но Уитни – только Авророй. Однажды на фотосессии одного известного поп-певца, куда она заявила вместе с Райнером, я совершила оплошность и упомянула о неприязни к своему полному имени. С тех пор я для нее только Аврора. Скажи я, что у меня аллергия на деньги, Уитни тут же переведет все средства компании на мой банковский счет.

А это мысль.

– Уит. – Не удостоив ее взглядом, я засовываю в рот последний кусочек хлебной палочки.

– Мистер Райнер хочет поговорить с тобой на балконе. – Уитни смотрит над меня, сведя выщипанные брови. Честное слово, она получает удовольствие, когда прочищает горло и с намеком добавляет: – Наедине.

Расправив плечи и высоко задрав голову, я опрокидываю для храбрости третий бокал вина и иду на террасу в вип-ложу. Райнер скор на сексуальные домогательства, тем более под кайфом и пьяный. А сейчас он точно пьян. Я засовываю салфетку с логотипом отеля в кармашек платья. Оглянувшись, вижу, что Уитни усаживается на мое место и кладет покрашенные красным ногти Кэллему на плечо, попутно стрельнув в его сторону приторной улыбочкой. Уитни из кожи вон лезет, чтобы доказать свое превосходство надо мной. И это, конечно же, так, если в качестве критерия брать мошенницу из искусственного пригорода «Отчаянных домохозяек».

Напоследок я вижу, как она шепчет Кэллему что-то сокровенное. Он хмурится, отрицательно качает головой и кажется расстроенным ее предложением.

Распахнув двойные двери, я выхожу на совершенно пустой балкон. Здесь холоднее, чем в сердце у моей матери. Я потираю руки, проклиная себя за то, что оставила пальто в зале, и ступаю к перилам, с восхищением взирая на панораму.

Стоит мороз, но мне всегда холодно. С самого рождения и сколько себя помню я всюду ношу свитеры и пуховые куртки. Словно моя кожа навсегда покрыта невидимой коркой льда.

Я смотрю вверх, на звезды, и даже при такой погоде восторгаюсь их красотой.

Слышу приближающиеся за спиной шаги. На плечи опускается что-то тяжелое. Дорогое шерстяное пальто, еще хранящее тепло чужого тела. Пальто пахнет роскошным мужским ароматом: землей, сосной, сигаретами и слишком затратным для розничной продажи одеколоном. Сбоку появляется тень. Он ставит стакан с виски на широкие мраморные перила, облокачивается на них почти рядом со мной, но не касается.

Я поворачиваю голову, ожидая увидеть Райнера, но сталкиваюсь лицом к лицу с...
Мэлом.

С моим Мэлом. Это все-таки он.

Мэлаки Доэрти с лиловыми глазами. С завораживающей улыбкой. С договором, который я подписала на салфетке.

С обломком моего сердца, который он так и не вернул.

Только теперь он не улыбается. Он словно и не рад меня видеть.

Мэл убеждал, что в случае встречи женится на мне, невзирая на обстоятельства. Но эта клятва была дана почти десять лет назад под влиянием алкоголя, страсти и юности. Всего лишь как вероятный сценарий.

Мэл произносит:

– Привет, дорогая.

От его голоса с резковатым ирландским акцентом у меня подкашиваются ноги, и я хватаюсь за перила.

Падают первые хлопья снега. Мне на нос. На ресницы. На плечи. В снежном шаре разражается буря.

Глава вторая

Восемь лет назад

Рори

Я прислоняюсь спиной к отцовскому надгробию. Вырвав пару травинок, подкидываю их в воздух и смотрю, как они плавно приземляются на мои заляпанные ботинки. Звонят церковные колокола, солнце заходит за зеленые горы.

– Знаешь, мог бы и подождать. Завязать с выпивкой на месяц-другой, чтобы я успела с тобой познакомиться, – бурчу я и выдергиваю из ушей наушники. Сворачиваю приложение на телефоне, в котором еще глухо играет песня «One» группы U2, а потом бросаю его на землю.

– Извини. Вышло грубо. От усталости я обычно бываю капризной и... Да ведь ты и сам бы это знал, реши познакомиться со мной лично. Господи, пап, ну и гад же ты.

Но, даже выдав такое признание, я все равно в него не верю. Он не гад. Отец наверняка был замечательным человеком.

Я резко опускаю голову на каменную плиту и закрываю глаза.

Стоит середина лета, я привычно мерзну и выжата как лимон после долгого перелета из Нью-Йорка в Дублин. А еще – после сорокапятиминутного спора с регистратором хостела, потому что с сайта моя бронь пропала, а свободных номеров у них не осталось. Закинув свой небольшой чемоданчик в отель около Темпл-бар, я приняла душ, съела полпачки засохших чипсов из мини-бара и ужаснулась счету, который мне придется оплатить за непредвиденную смену жилья, что, несомненно, на корню пресечет мою мечту обновить камеру перед отъездом в колледж.

А потом еще мама позвонила, сообщив в своей фирменной тактичной манере, что после поездки в Ирландию домой я могу не возвращаться.

– Что это вообще такое? – потребовала она объяснений. – Во-первых, он умер. Во-вторых, жила ты без него и прекрасно жила бы дальше. Уж тут поверь мне на слово, солнышко.

– Легко тебе говорить. Ты так и не позволила мне выяснить это самой.

– Он был пьяницей, дармоедом и жутким бабником.

– А еще талантливым и смешным и каждый год присылал мне подарки на Рождество и дни рождения. И его презенты были интереснее твоих подарочных сертификатов в «Сефору» и сыворотки для роста бровей, – буркнула я.

– Прошу прощения, я хотела, чтобы у тебя были полезные вещи. На них ты могла приобрести отличный тональник, чтобы замазать родимое пятно. Легко быть прикольным родителем, не участвуя в воспитании дочери! – фыркнула мать. – Ты ищешь свою сводную сестру? Спорим, она живет в расфуфыренном доме? Деньги ведь кому-то достались.

Так она намекала, что деньги наверняка *достались не мне*.

Я хотела найти сводную сестру, но не знала, с чего начать. Если честно, поездка вообще вышла спонтанной. Мне вдруг захотелось побывать в стране, где похоронен папа. И чего я ждала? Некой мистической связи с этим холодным камнем под головой? Возможно. Но вслух никогда не признаюсь.

– Все сказала, мам?

– Попрошу не разговаривать со мной в подобном тоне, юная леди. Я жизнь положила на твое воспитание, пока он лишь пропивал твое наследство.

Я фыркнула.

Деньги, деньги, деньги. Все всегда сводится к деньгам.

– Поверить не могу, что его похоронили рядом с церковью, – задумчиво произнесла мама. – Надеюсь, трава, как его сердце, не почернеет.

Пожаловавшись на свои слишком заметные недавно окрашенные пряди и выжав из меня обещание купить в дьюти-фри на обратном пути блок «Парламента», мать повесила трубку.

И вот я здесь, сижу на кладбище посреди Дублина и пялюсь на серую белку, которая глазееет на пачку чипсов, торчащую из моего рюкзака. Завидую меховому покрову зверька. Я всерьез подумываю, что с удовольствием бы ходила в меховой шубке, только бы спрятаться от вечного холода.

– Да они даже невкусные. Зачем мариновать чипсы? Дикость какая-то. – Я вытаскиваю пачку из рюкзака, достаю кусочек и бросаю белке. Испугавшись, она отпрыгивает, но через секунду робко крадется к угощению. Животное нюхает пластинку, хватая крохотными коготками и удирает на ближайшее дерево.

– Там, откуда я родом, тебя бы арестовали за пособничество убийце, – раздается за моей спиной дребезжащий голос.

Я резко оборачиваюсь. В нескольких шагах от отцовской могилы стоит священник: черная ряса, большой крест, выражение лица, словно говорящее «все грешники обречены на муки». Все как положено. Я вскакиваю, хватаю сумку с телефоном и поворачиваюсь к нему.

Ладно, не такой уж он и пугающий, но из-за скитания по чужой стране в круглом одиночестве я остро ощущаю, насколько сейчас уязвима.

– Ну-ну.

Спрятав руки за спину, мужчина медленно спускается по зеленому холму, в котором захоронен мой отец. Священник выглядит так, словно пережил обе мировых войны, эпоху Ренессанса... и вторжение Ганнибала в Италию.

– Не бойся, в этом нет необходимости. Полагаю, ты совсем не осведомлена о серых белках и их тайных замыслах.

Он встает за отцовским памятником и долго смотрит на выделяющееся родимое пятно у меня на виске. Ненавижу, когда люди так делают, откровенно пялятся. Именно потому, что родинка больше похожа на шрам. Она в форме полумесяца и почему-то бледнее моего привычного мертвенного оттенка кожи. Мама постоянно предлагает избавиться от пятна.

«Давай замажем. Удалим лазером».

Священник смотрит на родимое пятно, и в его глазах появляется странный блеск. У мужчины пышные белые волосы и лицо, на котором отпечатался возраст. Веки такие морщинистые, что сложно даже понять, какого цвета у него глаза.

– Серые белки представляют угрозу для рыжих, потому что выживают их с собственной территории. Рыжие обосновались здесь первыми. Но серые более выносливые. Опытные. А еще являются источником заразы, которой заболевают только рыжие белки.

Мужчина снимает очки для чтения и протирает их кромкой рясы.

Я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу. Он надевает очки обратно.

– И, конечно, серые сжирают еду рыжих и быстрее размножаются. Рыжие белки не могут заводить потомство под принуждением.

Я молча смотрю на священника, гадая: то ли он страстный защитник окружающей среды, то ли странный любитель поболтать, то ли просто больной на голову. Почему он рассказывает мне о белках?

А главное – почему я его слушаю?

– Я... э-э-э, спасибо за информацию, – тереблю кольцо в носу.

Сваливай, Рори. Уходи отсюда подальше, пока он не начал читать лекцию о муравьях.

– Просто занимательный рассказ о белках. А может, о том, как непрошенные гости порой захватывают территорию, только потому, что они сильнее местных. – Священник улыбается и наклоняет голову. – А ты?..

Сбита с толку и безмерно взволнована.

– Рори, – кашлянув, отвечаю я. – Рори Дженкинс.

– Ты не местная, Рори.

– Я из Америки. – Я пинаю камешек под ногой и ни с того ни с сего чувствую себя нашкодившим ребенком, хотя особых причин тому нет. – Приехала из Нью-Джерси.

– Вот почему ты кормила белку. – Он понимающе кивает. – Мне догадываться о цели твоего визита или готова рассказать сама?

Я очень стесняюсь признаться, что перед отъездом в колледж приехала в Ирландию с целью обрести успокоение, а по факту попросту спустила в загаженный сортир все деньги, что скопила за два года работы в забегаловке.

– Ни то ни другое. – Я забрасываю рюкзак на плечо. Пора возвращаться в отель. Эта дурацкая поездка ни к чему не привела. – Но все же спасибо за интересные сведения о белках.

Они точно стоили путешествия за океан.

Я начинаю шагать к воротам кладбища, как вдруг слышу за спиной голос:

– Ты дочь Глена О’Коннелла.

Замираю и чувствую, как напряжены мои плечи. Тело словно обращается в камень. Я медленно разворачиваюсь, мышцы буквально застыли.

– Откуда вы знаете?

– Ты третий отпрыск, посетивший его могилу. Слышал, младший был из Америки. Мы тебя ждали.

– Мы?

– Ну я.

– А где другие? – Я оглядываюсь. Можно подумать, они прячутся за надгробиями.

– Дочь живет здесь, недалеко. Знаю ее с пеленок. До сих пор каждое воскресенье приходит с мамой на службу. Глен старался всячески участвовать в ее воспитании, насколько это было возможно при его... эм, недостатках.

Поясню: при его алкоголизме. Странно, но я ей завидую.

– А второй?

– Жил на севере. В графстве Антрим.

– Почему «жил»?

– Несколько недель назад он скончался. Лейкоз, можешь себе представить? Такой юный парнишка. Он встречался с отцом пару раз, но ближе познакомиться так и не довелось.

Сердце ухает вниз будто якорь, и внизу живота появляется тяжесть. У меня был брат, который умер, и я уже никогда с ним не встречу и не познакомлюсь. В Ирландии у меня могла быть семья. Этот юноша... я могла бы обнимать, утешать его в последние дни жизни.

Я ничегошеньки не знаю о своем отце. Только то, что он умер в пятьдесят лет от ожидаемого сердечного приступа, учитывая его привязанность к скоростным тачкам, шустрим дамам, курению, алкоголю и калорийной пище. Глен, сын учительницы и мясника, родился в Толке и резко прославился, написав рождественскую песенку «Колокольчики Белль», взорвавшую чарты Ирландии, Британии и Америки. Мэрайя Кэри и Джордж Майкл хорошенько на нем заработали. Эта рождественская песня стала первой и последней потугой к работе или отдаленно напоминающей попыткой сделать карьеру, но хотя бы снабдила его домом в Дублине и годовым запасом пищи и выпивки.

Глен был бабником. Спал со всем, что движется. В попытках снова обрести музу он познакомился в парижском баре с мамой, которая путешествовала с друзьями. Они переспали, и отец оставил ей свой адрес, чтобы мама написала ему, если надумает отдохнуть в Ирландии. Когда она написала ему, что ждет ребенка, Глен пригласил ее переехать к нему, но мама отказалась. Тогда он стал каждый месяц отправлять ей алименты. А мне – подарки, письма... Но

все тщательно проверяла мать. Меня бесило, что она пытается контролировать мои отношения с отцом.

Поэтому я стала бунтаркой. С молодых ногтей.

На протяжении долгих лет я пыталась связаться с отцом.

Писала ему письма, о которых не знала мама, отправляла фотографии, электронные сообщения, стихи, которые вырывала из библиотечных книг. Выпрашивала у мамы мало-мальские сведения о своем загадочном родителе. От него я так и не получила ни весточки. Думаю, ясно почему. Отец знал, какой властной стервой была моя мать, и боялся, что она полностью лишит нас общения, узнав, что мы втайне от нее контактируем.

Папа согласился общаться только через маму, из уважения к ней ни разу не поговорив со мной по телефону. Однажды он написал, что стыдится собственной речи, того, какой она стала. Отец признался, что теперь даже в трезвом состоянии у него все время заплетается язык и дрожит голос.

Меня это не волновало. Я просто хотела услышать его.

Просто хотела папу.

Совсем необязательно хорошего.

Серьезно, сошел бы папа любого пошиба.

Отец умер за два месяца до того, как я окончила школу. Я как раз шла на кухню за стаканом воды и услышала, как мама отвечает на звонок. Чтобы она меня не заметила, я прижалась в коридоре спиной к стене.

Она не грустила. Не злилась. Не плакала. Просто взяла винтажный проводной телефон, зажгла сигарету и присела на обеденный стол, тряхнув волосами.

– Выходит, он все-таки сыграл в ящик? – Мама закашлялась. – Грустно лишь, что мне придется сказать Рори. Она не заслужила таких страданий.

Не знаю, с кем она разговаривала, но меня затошнило. Глен был моим отцом и частью меня – вероятно, той, которая не бесила мою мать.

Потерпи Глен еще немножко, мы бы познакомились лично. А теперь я стою у его могилы и узнаю от священника об отцовском наследии из внебрачных отпрысков.

Молодец, пап.

– Отец?.. – Я плююсь на гигантский крест на груди священника.

– Доэрти, – отвечает он.

– Отец Доэрти, он упоминал что-нибудь обо мне?

В ту короткую паузу между моим вопросом и его ответом я почувствовала непосильное бремя на своих плечах.

– Да. Разумеется. Глен постоянно говорил о тебе. Ты была его отрадой. Он хвастался твоей фотографией. Если доводилось выходить из дома, он совал людям в лицо твои снимки и говорил: «Вот, гляньте, это моя дочка».

Если доводилось выходить из дома.

В какой страшной ситуации он находился. А мама ни разу не пыталась ему помочь. Почему?

– Почему же так и не захотел повидаться?

Не знаю, зачем я решила загрузить этими вопросами незнакомого человека. Может, он совсем не знал папу. Вряд ли Глен имел привычку регулярно посещать церковь... Во всяком случае, сомневаюсь.

– Он отправлял тебе каждый месяц деньги и любил на расстоянии, понимая, что тебе будет лучше его не знать, – увिलивает от горького вопроса отец Доэрти. – Есть слабые люди, но это не значит, что они плохие. Глен боролся с депрессией и алкоголизмом. Он был не в состоянии растить ребенка.

Может, папа спасал меня от себя. Самое главное, что он говорил обо мне, правда? Что оберегал таким странным, но свойственным ему способом? Да, с таким ответом я могу примириться. Но избавиться от мучительного чувства, что к нашей несостоявшейся встрече приложила руку мама, не получалось.

В груди разливается тепло.

– Могу я познакомиться с сестрой? Вы знаете, где она живет?

Сейчас я буквально хватаюсь за соломинку. Слышу отчаяние в собственном голосе, и оно мне дико не нравится. Возьми себя в руки. Перед смертью он даже письма тебе не оставил.

– Ох, бедняжка еще скорбит. Боюсь, она не захочет ни с кем общаться. Однако... – Священник задумчиво потирает подбородок. – Я знаю, кто тебе поможет. Пойдем за мной.

Тенью бреду за отцом Доэрти в церковь до тусклого рабочего кабинета, где мужчина садится за массивный дубовый стол и пишет на обрывке бумаги адрес, попутно рассказывая:

– Мой внук поет на Друри-стрит. Он прекрасно знал твоего папу. Глен научил его играть на гитаре. У Мэла полно историй о Глене. Разговори его за парой пинт. Но много не наливай, если не хочешь, чтобы эти истории приобрели неожиданный и фантастический оборот, – смеется священник, протягивая мне адрес вместе с купюрой номиналом в пятьдесят евро.

– Благодарю, но денег я ваших не приму. – Не притронувшись к деньгам, я забираю бумажку с адресом и засовываю ее в карман вельветовых джинсов.

– Почему?

– Потому что вы мне ничем не обязаны, – пожимаю плечами. – Вы и без того помогли.

Священник поднимает на меня взгляд, и от нежности в его глазах в голову лезут глупые мысли: вот бы он принял меня в свою семью. Вот бы оказался моим дедушкой. Нет ничего ужаснее чувства, что ты никому не нужен. Блуждания по планете без корней, близких, которые бы за тебя боролись. Хотя у меня есть мама, но свою любовь она показывает довольно странным способом.

– *«Покуда я жив, яви мне неисчерпаемую милость подобно милости Господа, дабы я жил вечно»*. Рори, мы все должны друг другу немного милосердия. Милосердие имеет большую ценность.

Зубы у него желтые, как обломки света, что пробиваются сквозь окна высокой церкви. Я проглатываю ком в горле, но к деньгам не притрагиваюсь.

– А теперь иди, пока мой внук не закончил выступление. Мэлаки редко задерживается на одном месте. Рядом всегда скрываются подружка-другая – того и гляди, уволочут не пойми куда.

Я отлично себе представляю, о чем он говорит. Но разговаривать в церкви о сексуальной жизни его внука-повесы мне не хочется. Да вообще-то совсем не хочется.

– Как я его узнаю? На Друри-стрит наверняка не один певец.

– О, ты узнаешь. – Отец Доэрти сворачивает деньги и протягивает их мне.

Я колеблюсь, но все же беру купюру.

– А если нет? – хмуро спрашиваю.

– Просто выкрикни его имя. Он сразу остановит выступление. Мэлаки не в силах устоять перед красивой девушкой или крепким напитком.

Мне уже не нравится этот Мэлаки, но если он в состоянии дать ответы на мои вопросы, то я забуду о том, что он, судя по всему, похож на моего отца: бабник, пьянчуга и мужчина, бегающий от ответственности как от бубонной чумы.

– Можно перед уходом сделать пару снимков могилы отца?

Священник кивает и смотрит на меня с неприкрытой жалостью – той, что заползает под кожу и поселяется там навеки. Той, что определяет твою сущность.

– Ты добьешься своего, Аврора.

Аврора. Я не называла ему своего полного имени. Только Рори.

– Аврора? – приподнимаю я бровь.

Улыбка меркнет, и мужчина прочищает горло.

– Твой отец рассказывал мне, забыла?

Да. Конечно. Но почему он тогда выглядит таким... виноватым?

Я смотрю на отца Доэрти, и в ту же секунду меня посещают две мысли.

Первая: у мужчины завораживающие глаза – удивительного фиолетового цвета с голубым переливом. Под таким взглядом душа тотчас наполняется теплом.

И вторая: однажды мы встретимся вновь.

И в следующий раз он изменит мою жизнь. Навсегда.

Я протискиваюсь мимо женщин, плотно обступивших полукругом уличного певца. Друри-стрит представляет собой буйство цвета, запахов и зрелищ. Здания с облезшими до кирпичика стенами, разрисованными яркими граффити. Азиатский рынок за углом, парковка, автобусная остановка и винтажные магазинчики – все это так и просится на фото, и я не могу удержаться, потому останавливаюсь на полпути и делаю снимок, запечатлевая своей старой камерой красоту этой улицы.

Размытое очертание промчавшегося мимо автобуса, как будто мазнули цветной кисточкой.

Клик.

Двое мужчин, идущие мимо надписи на стене «Долой капитализм!».

Клик.

Одинокое лежащая на асфальте бутылка среди оберток от фастфуда, напоминающая унылого пьянчугу.

Клик, клик, клик.

Оказавшись наконец напротив уличного певца, стоящего на краю тротуара у раскрытого чехла от гитары, что полон свернутых записок и мелочи, понимаю, почему его дед с самоуверенностью истинного христианина уверял, что я узнаю его внука.

В жизни не видела мужчины вроде него.

Он красивый и искренний, но вовсе не поэтому выделяется среди остальных. Он ослепителен.

Словно его обаяние обладает чарующей силой. Парень будто высасывает кислород из всего, что находится поблизости, и тем самым приковывает к себе взгляды. Мэлаки словно нарочно создан, чтобы самым чудовищным и поразительным способом разбивать сердца. Неприятности сулит в нем буквально все: потрепанные джинсы, грязные ботинки, белая футболка и кожаная куртка, изношенная десятилетием ранее. Он напоминает повесу из семидесятых. Кумира. Музу Терри Ричардсона⁵. Предшественника Брюса Спрингстина⁶.

Его голос льется медом и согревающими специями. Он уносит меня мыслями туда, где я никогда не бывала, хотя этот голос отнюдь не прекрасен. Он мрачный, хриплый и прокуренный. Когда кто-то случайно задевает мое плечо и подталкивает ближе к Мэлаки, я покидаю свои грезы и понимаю, что за песню он поет.

«Опе» группы U2.

Странное совпадение. Стараюсь убедить себя, что это ничего не значит. Я в Ирландии. U2 – достояние нации.

Мэлаки поет, крепко зажмурившись. Словно во всем мире существуют только он и его гитара. Жаркой волной по коже пробегает тепло, и я вздрагиваю от удовольствия.

Тепло.

⁵ Терри Ричардсон – американский фэшн-фотограф и клипмейкер.

⁶ Брюс Спрингстин – американский рок-певец, автор песен и музыкант. Лидер группы E Street Band.

Я всегда находила в уличных исполнителях некую меланхолию. Ведь люди проходят мимо, не слыша их музыку, их искусство, их страсть. Но сейчас именно этот парень никого не замечает. Роли поменялись. Зрители готовы есть с его ладони. Все женщины под сильными мелодичными чарами. Мэлаки как Гарри Стайлз: девушки мечтают затащить его в койку, а старушки – усыновить. Мужчины испытывают противоречивые чувства: нетерпение, раздражение и зависть. Это заметно по тому, как они притоптывают ногами, смотрят на часы и, подталкивая, уводят своих жен и девушек.

Песня заканчивается, Мэлаки Доэрти медленно открывает глаза и смотрит прямо на меня, будто знает, что я здесь. Будто видел меня закрытыми глазами. Растерявшись, я, желая сделать хоть что-то, кидаю купюру в его гитарный чехол и отвожу взгляд, с ужасом осознав, что бросила те пятьдесят евро, что дал его дедушка. Люди вокруг шепчутся и присвистывают. Думают, что я сделала это умышленно. Чувствую, как пылает лицо. Он наверняка считает, что я хочу с ним переспать.

Хочу ли я? Наверное. Но стоит ли ему знать? Черта с два.

Слишком поздно забирать деньги, потому что иначе я буду выглядеть чудачкой. А между чудачкой и девицей легкого поведения предпочту прослыть последней.

Сгорая от стыда, я делаю шаг назад. Мэлаки наклоняется, хватая меня за запястье и тащит на себя. По венам мигом распространяется волнующий жар. Я охаю.

Смотрю вниз на свои ботинки, но парень, присев, заглядывает мне в лицо и ухмыляется.

– Есть у вас пожелания, баронесса Ротшильд счастливого случая? – протяжно спрашивает он.

«Можно забрать деньги? Мне нужно угостить тебя выпивкой, чтобы ты рассказал о моем отце». Елейным, но, честно говоря, безумным взглядом пытаюсь передать эти намерения.

– Ничего не могу придумать. – Кошусь в сторону, притворяясь невозмутимой, а втайне мечтаю провалиться сквозь землю.

Есть плюс: я больше не думаю о своем мертвом отце. Вот и прогресс намечается.

– «Копакабана»! – поступает предложение.

– «Девушка из Кавана»! – кричит кто-то другой.

– «Член в коробке»!

Мэлаки оглядывает толпу и смеется. В ту же секунду, как он отводит взор от моего лица, у меня словно отбирают тепло. Однако от его раскатистого смеха возникает ощущение, будто в животе разливается горячий воск.

Мэлаки выпрямляется.

– Что за звонкий болгарин это предложил?

Парень в зеленом берете и оранжевом твидовом пиджаке поднимает руку и машет.

– Не болгарин, а англичанин, – самодовольно усмехается он.

– Господи, это еще хуже, – невозмутимо заявляет Мэлаки, и все заливаются смехом.

Я пользуюсь передышкой, чтобы замедлился пульс, и улыбаюсь вместе с остальными. *Ха-ха, как смешно.*

Мэлаки возвращается на место и перекидывает через плечо ремень от гитары. У него стройное, но мускулистое тело человека, работающего не в спортзале, а на поле. Мэлаки показывает гитарой на меня, и все поворачиваются в мою сторону.

– Я не в восторге от девушек, которые не знают, чего хотят. – Он поднимает темную густую бровь. – Однако нутром чую, что ты заставишь меня передумать.

Мэлаки начинает играть. Я – может, потому, что пристыженная, ранимая и грустная, – капитулирую перед его мелодией, закрываю глаза и отпускаю все плохое. И кажется, эту песню сочинил он сам, потому что слова незнакомы, но настолько хороши, что вполне могут стать хитом. Теперь Мэлаки поет совсем иначе, не так, как исполнял «One». Каждое отдельное слово прорывает ему плоть. Волдырем, шрамом, ожогом.

*Слабость, ненависть, страсть,
Как бы хотелось твою душу пламенем объять,
Среди потерянных девочек и скверных мальчишек в гóре,
Ты найдешь меня, окунешь в лед и заглушишь фурором.
Хочу видеть мир твоими глазами и влюбиться,
Но больше всего на свете боюсь, что ты не остановишься,
Потому что в моей сказке нет красавицы,
Только одинокое печальное чудовище.*

Я двигаюсь, хотя этот парень и не дотронулся до меня, и чувствую его прикосновения, хотя он даже пальцем меня не задел. Его дед прав. Мэлаки – проблема.

Зрители так притихли, что я начинаю сомневаться в том, что все это происходит на самом деле. Перестаю покачиваться и открываю глаза. С изумлением вижу, что вся улица смотрит на него. Даже официантки в ресторанах и кафешках стоят на пороге и с восхищением слушают его голос.

А что до Мэлаки? Он смотрит на меня.

Я подхватываю камеру и делаю фото, как он поет.

Закончив, Мэлаки делает легкий поклон и ждет, когда стихнут аплодисменты и выкрики. Он игриво шевелит бровями, не сводя с меня глаз, словно обещает, что мы переспим. Это глупо, потому что мне восемнадцать и я не сплю с кем попало.

Пока я спала только с одним человеком – с выпускником Тейлором Киришнером, потому что мы долго встречались и не хотели уезжать в колледж, неся бремя неудобной девственности.

Но Мэлаки я верю. Мы переспим.

Верю, потому что он как раз такой. Таким, полагаю, был и мой папа. Совершенно безбашенный, духовно страдающий, морально надломленный Ромео, который ломает вам кровать, разобьет сердце и сломит силу воли с вашего позволения.

Без злого умысла. И не потому, что хочет. Просто такой уж он по натуре. Он рушит все на своем пути. Этот недооцененный, красивый и гениальный парень наделен талантом, о котором никогда не просил, но он умело им пользуется. Его дарование, обаяние и красота – оружие, и в эту секунду оно направлено против меня.

Я вижу, как он зачерпывает деньги из чехла и засовывает их себе в карман. Толпа вокруг начинает расходиться. К Мэлаки приближаются две девицы-студентки, заправляя волосы за уши. Он напропалую флиртует с ними, то и дело поглядывая на меня, чтобы убедиться, что я никуда не ушла.

Я хочу объяснить, что не ухожу только из-за своего отца. Скажу ему сразу, как он закончит.

И, поскольку Мэлаки не претит заставлять меня ждать, я не чувствую вины, когда снова вытаскиваю камеру и делаю фото, как он закидывает гитарный чехол себе на плечо и удостаивает одну из девушек поцелуем руки.

– Польщен, но, видите ли, я обещал разрешить этой щедрой, пусть и немного навязчивой девице угостить меня пинтой пива.

Я опускаю камеру и смотрю на него, изогнув бровь. Он расплывается передо мной в улыбке, а девушки, мечтательно хихикая, несутся к автобусной остановке и на ходу подталкивают друг друга.

– Учитывая произошедшее, думаю, ты и сам в состоянии угостить бокалом эту щедрую, пусть и немного навязчивую девицу. – Я засовываю камеру обратно в рюкзак и набрасываю капюшон куртки на голову.

– Только если она отправит мне копию этого снимка. – Мэлаки кивает на мой рюкзак и блаженно улыбается.

– Чего ради?

Он подцепляет большим пальцем ремень на чехле и неспешно подходит ко мне. Останавливается так близко, что мы можем вдыхать запах друг друга.

– Чтобы у меня был ее адрес.

– Ну и кто теперь навязчивый?

Я скрещиваю на груди руки.

– Я, – ухмыляется парень. В его завораживающих глазах броского фиолетового цвета словно отражается весь мир. – Определенно, я. Ты американка?

Я киваю. Он обводит меня взглядом.

У него такие же фиолетовые глаза, что и у его деда. Но немного другие. Яснее. И такие глубокие, что утащат на самое дно, если не проявлять осторожность.

Я разворачиваюсь и иду в обратную сторону, зная, что он пойдет за мной. Так и происходит.

– Что за история? – Мэлаки засовывает руки в передние карманы.

– Давай где-нибудь присядем? – Я пропускаю его вопрос мимо ушей и оглядываюсь по сторонам.

Хотелось бы выпить и что-нибудь съесть. Полагаю, у любого нормального парня возникнет куча вопросов, что мне от него надо, но, похоже, Мэла нельзя отнести в эту категорию. Он кивает в обратном направлении, и мы разворачиваемся. Теперь я иду за ним.

Пользуется ситуацией. А уличный певец в этом мастак.

– Есть у тебя имя? – спрашивает он.

Я иду за ним. Едва поспеваю.

– Аврора.

– Аврора! Принцесса Аврора из?..

– Нью-Джерси. – Я закатываю глаза. Ну что за кривляка.

– Нью-Джерси. Ну конечно. Известный обработанным мясом, чижом⁷ и Джоном Бон Джови, хотя последним попрекать тебя не стану.

– Какая невероятная забота.

– Что сказать? Я тоже щедрая душа. Имей в виду: все, известное мне о Нью-Джерси, я почерпнул из реалити-шоу «Пляж». Мама безнадежно влюблена в того, у кого геля на волосах столько, что можно заполнить им бассейн.

– Поли Ди, – я улыбаюсь и киваю.

Внезапно мне становится жарко. Нужно снять камуфляжную куртку. А может, и толстовку. Расчехлиться. Стащить с себя слои одежды.

– Он самый. – Мэлаки щелкает пальцами. – Но я уверен, что ты и твоя семья совсем не похожи на него и его пережаренных на солнце друзей.

Я кусаю большой ноготь.

– Вообще-то моя мама была бы там практически королевой. Она на двадцать пять процентов состоит из автозагара, на двадцать пять – из лака для волос и на сорок – из тесной одежды и краски для волос. Она крайне огнеопасна.

– А куда делась оставшаяся десятка? – смеется он и смотрит на меня непонятым взглядом.

– Она не очень хороша в математике, – невозмутимо отвечаю я.

Мэлаки запрокидывает голову назад и так громко хохочет, что от его смеха у меня внутри что-то трепещет. В моем городе парень вроде него обязательно выгодно воспользовался бы

⁷ Символ штата Нью-Джерси.

своей внешностью: стал бы актером, моделью, медийной персоной или занялся бы еще какой-нибудь мнимой работенкой. Маму хватил бы удар, если бы она услышала смех Мэлаки. Он буквально смеется каждой морщинкой. Сплющивается каждый миллиметр его плоти.

– Я – Мэл, – говорит он.

Мы еще идем, и он не может пожать мне руку, поэтому просто пихает плечом и стягивает с моей головы капюшон, открывая лицо.

– А ты? Разрушишь какие-нибудь стереотипы об ирландцах? – спрашиваю я.

Мэл резко поворачивает за угол. Я за ним.

– Боюсь, что нет. Я католик, маменькин сынок и вполне работоспособный алкоголик. Мой дед... вообще-то формально он мне не дед. Отец Доэрти – католический священник, но мамин папа умер совсем молодым, и отец Доэрти, его брат, был так добр, что растил ее как собственное дитя. Короче, он научил меня делать рагу, и оно по сей день единственное блюдо, которое я умею готовить. Я живу на ферме с непомерным количеством овец, и они все тупицы. Светлому пиву я предпочту темное, позу не сзади, а миссионерскую, считаю Джорджа Беста⁸ богом и уверен, что коричневый соус лечит все, кроме рака, включая похмелье, несварение желудка и, вероятно, гепатит С.

– Мы... поразительно шаблонные для наших родных краев персонажи. – Я перекачиваю кольцо через дырочку в носу. Постоянно так делаю, когда нервничаю, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Стереотипы существуют, потому что в них есть зерно правды. – Мэл останавливается, поворачивается и стучит по крыше старого «форда» цвета гнилых зубов. – А теперь пошли. Нам есть куда пойти, есть что посмотреть, и, боюсь, придется тебе сесть за руль.

– А?

– Принцесса Аврора из Нью-Джерси, ты не смотрела ни одной старой доброй мелодрамы? Где в самых лучших в истории кинематографа сценах первой встречи женщина куда-то везет мужчину? «Когда Гарри встретил Салли», «Поющие под дождем», «Тельма и Луиза»...

– В последнем не было сцены первой встречи. И Джина Дэвис не мужчина.

Я не могу удержаться от смеха. Как он осмелился растопить мое сердце до того, как я оказалась готова оттаять?

– Да что ты говоришь. – Он кидает мне в руки связку ключей, и я инстинктивно ее ловлю. – Карета подана, мадам придира.

Этот парень утонченный, обаятельный. Худшая разнотипность сердцеда – тот, кто не настолько сердоболен, чтобы сразу дать понять, какой он козел, хотя на самом деле так себя и ведет. Бьюсь об заклад, куда бы он ни пошел, за ним тянется дорожка из кровоточащих, разбитых и едва бьющихся сердец. Так Гензель и Гретель оставляли следы из хлебных крошек, чтобы найти путь домой. Вот только я знаю, куда ведет эта дорожка – к уничтожению.

– Подожди. Пока мы еще здесь, хочу кое-что у тебя спросить. – Я поднимаю руку. Лучше сразу обозначить намерения.

– Согласен. – Мэлаки распахивает пассажирскую дверь и садится в машину. Я продолжаю стоять на тротуаре, а он захлопывает дверь, опускает стекло и кладет на него руку, надев темные очки-авиаторы. – Ты сядешь?

– А до этого ты не поинтересуешься, что я хочу спросить? – хмуро смотрю я.

Он приподнимает очки и дарит мне улыбку, способную охватить своей мощью целую вселенную.

– А смысл? Я в любом случае подарю тебе все, что нужно. Будь это деньги, поцелуй, секс, почка, печень. Господи, надеюсь, тебе не нужна моя печень. Она, к несчастью, поизносилась. Живей, Аврора.

⁸ Джордж Бест – североирландский футболист, признаваемый одним из величайших игроков в истории футбола.

– Рори.

– Рори, – соглашается он, покусывая нижнюю губу. – Так лучше. Ты совсем на принцессу и не похожа.

Я выгибаю бровь. Не знаю почему, но его заявление меня бесит. Он прав. Я совсем не похожа на принцессу вопреки желанию моей матери. Лучшая подруга Саммер утверждает, что я смахиваю на эльфа с суицидными намерениями.

– Ты скорее напоминаешь мне самую красивую сводную сестру из диснеевского мультфильма. Неудачницу, которая в финале получает принца. Ту, которая рождена без титула, но заслужила его, – объясняет Мэлаки.

Я заливаюсь краской и думаю над иронией судьбы, ведь и впрямь только что узнала о существовании сводной сестры.

– Ого, она покраснела. – Он победоносно вскидывает кулак в воздух. – Не все потеряно. У меня еще есть шанс.

– Вообще-то нет, – остужаю я его пыл. Парень заливается смехом, потому что и так знает исход. Ублюдок знает, что все равно меня уломает.

– Секса у нас не будет, – предупреждаю его.

– Конечно, не будет, – спокойно соглашается Мэл. Легко. Не веря ни единому моему слову.

– Я серьезно, – предупреждаю я. – Только через мой труп.

Рассмеявшись еще громче, парень постукивает по двери.

– Шевелись, принцесса.

Мэл довольно эксцентрично показывает, как выехать из Дублина: «Налево. Нет, другое “налево”. Ничего, налево, как в первый раз». Я хоть и в ужасе от левостороннего движения, да и международных прав у меня нет, но все равно оказываюсь за рулем.

Может, сама атмосфера лишает меня остатков логики. Может, дело в Мэле. Знаю лишь, что мне восемнадцать лет и я только что потеряла отца, которого никогда не знала. Ощущение, будто я зависла в воздухе, как марионетка. Между небом и землей. Нечего терять, нечего и приобретать.

Мы въезжаем в небольшую деревню, притулившуюся между зелеными холмами в двух шагах от Дублина. Белая деревянная табличка сообщает, что мы прибыли в Толку, графство Уиклоу. Справа видна река, через которую перекинут каменной аркой старый мост, а на въезде в город стоят обветшалые домики с ярко-красными дверьми. Эти разбросанные то тут, то там здания, как волосы на лысой голове, похоже, стоят на главной улице. Мы проезжаем по Мэйн-стрит мимо ярко-голубого дома, церкви, гостиниц, пабов и маленького кинотеатра, в котором, по словам Мэла, действительно есть отдельные места, а работающие в нем люди до сих пор используют классические киноленты.

Дорога довольно извилиста, и когда я, следуя инструкциям Мэла, паркуюсь недалеко от паба под названием «Кабанья голова», то чувствую, как мое сердце переполняют странные эмоции.

Мы выходим из машины, и я останавливаюсь, достав камеру. Паб выкрашен в простой белый цвет, зеленые окна украшены цветочными горшками, из которых торчат бархатцы и васильки. Возле двери стоит шест, на нем висит ирландский флаг.

Это здание будто ожившая картинка из фольклора, из сказки, которую мой почивший отец рассказывал мне в другой жизни.

– Что тебя останавливает, Рори? – На полпути к пабу Мэл поворачивается и видит, что я, присев на одно колено, щурюсь и наставляю на него камеру.

– Покажи камере свою любовь, красавчик, – говорю я жутким дребезжащим голосом и жду, что он меня пошлет.

Но Мэл широко улыбается, хватая воображаемое раздувающееся на ветру платье и, как Мэрилин Монро, шлет камере воздушный поцелуй. Только благодаря своей искрометной мужественности он выглядит на сто процентов забавно и на ноль процентов женственно.

Клик. Клик. Клик.

Я встаю и подхожу к нему. Он протягивает мне руку. Устав от споров, я не отказываюсь.

– Здесь ты живешь? – Я обвожу руками. – В этой деревне?

– Прямо за тем холмом. – Мэл проводит пальцами по моим волосам, убирая их от лица.

От неожиданного удовольствия по спине бегут мурашки. Парень улыбается, потому что замечает. – Со всеми этими придурочными овцами, о которых я тебе уже рассказывал. Скоро с ними повидаться.

– Завтра я улетаю. – Я прочищаю горло, которое предательски сжимается от нахлынувших эмоций.

– И что?

– Не могу задержаться.

Мэл смотрит на меня со смесью непонимания и радости. Думаю, возможно, сейчас ему впервые отказали. А потом он делает невероятное: протягивает руку и ведет большим пальцем по моему родимому пятну, зачарованно на него глядя.

– Как это случилось? – спрашивает он настолько тихим голосом, что я едва его слышу.

Я чувствую жгучее тепло, словно кожу действительно греет солнце, хотя погода стоит холодная и пасмурная.

– Оно не случилось. Я родилась с ним.

– Ха, родилась? – Его палец опускается с виска на мои губы. Он ждал безумную историю с аварией или жутким инцидентом?

Я отстраняюсь.

– Я все равно не могу остаться. У меня в Дублине забронирован номер.

– Я отвезу тебя, чтобы ты расплатилась в гостинице. – Он приходит в себя, вынырнув из странного транса. – Сегодня ты остаешься у меня.

– Я не буду с тобой спать. Только через мой труп, помнишь?

Он обхватывает мои щеки руками. Эти руки артиста шероховатые и уверенные, и мое сердце грохочет от впервые пережитой жалости к маме. Теперь я понимаю, почему она переспала с папой. Не все бабники мерзкие. Мэл не такой.

– Не позволяй чувствам помешать фактам.

– То есть? – хмурюсь я.

– Пусть тебе не нравится заявление, что мы переспим, поверь, это случится. – Он проводит пальцем по моим губам. – Пусть мы и встретились только что, но это не значит, что мы незнакомы. Похоже, что мы незнакомы? – спрашивает он, резко прижав меня к себе.

Нет. Нет, непохоже. Я чувствую, будто он всегда находился подле меня. Словно с самого рождения я несла в себе частичку его, и теперь он здесь, и я обрела его полностью, как будто закончила пазл.

Я глотаю комок в горле, но молчу.

– Вот именно. А сейчас ты рушишь нашу идеальную первую встречу. Джина Дэвис в гробу переворачивается.

– Мэл, Джина Дэвис жива!

– Идем, мадам придира. Накормлю тебя.

Слопав три порции солонины и один пастуший пирог, Мэл салютует мне наполовину выпитой четвертой пинтой «Гиннесса». А я тем временем еще канителюсь с первым стаканом водки с диетической колой.

– Ты хотела о чем-то меня спросить. – Парень слизывает с верхней губы белую пивную пенку и прищуривает один глаз, как будто прицеливается в меня пистолетом.

Была не была...

– Я пришла на Друри-стрит по совету твоего деда. Он знал, что я дочь Глена О'Коннелла. Сказал, что ты можешь рассказать мне об отце. – Затаив дыхание, я всматриваюсь в его лицо. Мэл берет мою руку, переворачивает ее и пальцем выводит линии на ладони. По шее бегут мурашки.

– В детстве я каждое воскресенье ходил в церковь к деду. Глен жил за ней. Он разрешил слушать его записи. Научил меня нотной грамоте и помогал с текстами, когда я начал писать песни. Обучил меня изливать душу на бумагу. Так что да, мы отлично друг друга знали. Настолько, что он угрожал прикончить меня, если я хоть пальцем коснусь его дочери.

Что?

– Другой. – Мэл смеется, заметив мою реакцию, и качает головой. – Не тебя. Господи, да Глен пал бы замертво, познакомившись с тобой лично. Он бы армию снарядил, чтобы защитить твою честь.

– От тебя?

– И от всей Европы в целом, – ухмыляется он.

Таким извращенным способом Мэл пытается сказать, что я красивая?

– Почему дед не отправил тебя к Кэтлин, дочери Глена? Она же живет на этой улице. – Мэл хмурится и допивает пиво.

Кэтлин.

Мою сестру зовут Кэтлин.

До него доходит, что я не знала ее имени.

– Но ты ведь знала, что у тебя есть сестра?

Я задумчиво киваю.

– Мама отказывалась называть ее имя. Говорила, что это бессмысленно, потому что здесь никто не хочет меня знать. Почему вся деревня ходит в церковь в Дублине, если вы живете здесь? Странно как-то. – Я вожу соломинкой в бокале.

Мэл откидывается на спинку стула.

– Не вся деревня. Только мы. По выходным мама работает в супермаркете, поэтому мама Кэтлин таскает нас на воскресную мессу, чтобы поддержать дублинское представление моего деда, а по сути, присматривает за мной. Обычно домой я возвращался с дедом, но иногда оставался с Кэтлин у Глена.

– Каким он был ей отцом?

– Хорошим, – отвечает он, но хмурится и добавляет: – Но недостаточно хорошим тебе.

– А сколько Кэтлин лет? – Я пропускаю мимо ушей его попытку поднять мне настроение.

– Моя ровесница. – Мэл продолжает изучать мою ладонь, словно это самое интересное, что он видел в своей жизни. – Нам по двадцать два года, – добавляет он.

– Похоже, вы хорошо знакомы.

– Мы вместе выросли. – Он со стуком ставит пустой стакан на липкий деревянный стол. – Странно, что дед отправил тебя не к ней, а ко мне.

– Он сказал, что она скорбит и никого не хочет видеть.

– Ерунда, Кэтлин не такой уж пингвин-социофоб.

Как он любопытно выражается. Я пытаюсь не улыбаться от его выбора слов. Все в нем такое... другое.

– Какая она? – Чувствую себя агентом ФБР, но как же трудно сдерживаться, когда хочется узнать о папе все. О своей сестре. К тому же если я продолжу беседу, то не придется подвергать анализу ту нотку ревности, что проскочила в моем тоне. Кэтлин столько лет жила с папой. И рядом с Мэлом.

– Милая. Добрая. Святая. Сама увидишь. Пойдем знакомиться. У нее много снимков Глена.

– Сомневаюсь, что это хорошая идея.

– Ну а я – нет. С пустыми руками ты отсюда не уйдешь. Вставай.

Он берет меня за руку и рывком поднимает со стула. Бросает несколько купюр на стол, а я даже не покушаюсь оплачивать свой обед, поскольку моя поездка сильно сказалась на кармане после накладки с отелем.

Зажав мою ладошку, Мэл пулей мчит по главной улице. Льет дождь, и я пригибаю голову, пытаюсь спрятаться от ливня.

Мэл смеется, его голос заглушает гроза:

– Поверить не могу, что летом идет дождь. Рори, ты словно привезла с собой зиму.

Странно, но благодаря дождю мы ближе и касаемся друг друга, поэтому мне все равно.

– Почему пешком, не на машине? – кричу я.

– Дело в том, что машину-то мы оставили прямо у ее дома. Да и она сжалится, увидев нас промокшими до нитки и жалкими.

– Ты вроде говорил, что она святая.

– И у добрых христианок возникают претензии, особенно учитывая, что я пренебрегал ею три месяца подряд, – фыркает он.

– Мэл! – ору я, но он хохочет еще громче.

Мы подходим к дому в викторианском стиле из белого кирпича и с черными ставнями. Мэл стучит в дверь и ведет пальцами по мокрым волосам. Они торчат в разные стороны, и я с досадой отмечаю, что выглядит он очаровательно. Через несколько секунд открывается дверь и на пороге появляется девушка, напоминающая более упитанную, не такую угловатую версию меня. У нее ярко-рыжие волосы, несколько светлее моих, но те же большие зеленые глаза, резко очерченный нос и пухлые губы с опущенными уголками. У девушки тоже есть веснушки и родинка над верхней губой.

Но на этом сходства во внешности заканчиваются. Девушка одета в длинное трапециевидное платье синего цвета и подходящий к нему белый кардиган. Легинсы на ней безупречно белого цвета, как кости. Я в своих ботинках и толстовке нервно переминаюсь с ноги на ногу и, спрятав руки в карманах, сжимаю их, чтобы не начать тереть кольцо в носу.

– Мэл! – завидев друга, вскрикивает она и бросается ему на шею, спрятав на плече лицо. – Что ты тут делаешь? Господи, да ты же промок до нитки!

– Кэт, познакомься с моей подругой Авророй из Нью-Джерси. – Он широко и бесхитростно улыбается ей и показывает на меня так, словно я его приз за телевикторину.

Мы так и стоим на пороге, дождь бьет в лицо. Но даже это не останавливает Кэтлин от резкого вдоха, когда она с вытаращенными глазами наконец замечает меня. Мэл слишком занят тем, что стряхивает капли со своих ботинок и трясет головой как пес. Он не осознает, в каком затруднительном положении мы все оказались по его вине.

– Ты всегда говорила, что хотела с ней познакомиться, а она сказала, что у нее нет ни одной фотографии Глена. В общем, мы столкнулись в Дублине, и я решил, что сейчас самое время для воссоединения. Поблагодаришь меня после. – Пряча руки в карманах куртки, Мэл подмигивает и подталкивает ее плечом.

Насчет одного моя мама была права. Уровень эмоционального развития у мужчин на нуле.

Я хлопаю глазами, стараясь не вспоминать, как отец Доэрти говаривал о ее желании побыть одной, однако Мэл упоминает, что она ужасно хотела со мной познакомиться. Только одно из этих утверждения правдиво, и я догадываюсь какое.

Кэтлин оценивающе смотрит на меня, и я не виню ее за это: я свалилась на нее как гром среди ясного неба. Однако чувствую вину за то, что не прислушалась к совету отца Доэрти.

Сестра качает головой, приходит в себя, улыбается и решительно бросается ко мне с объятиями под дождь. Я пошатываюсь и обнимаю ее в ответ.

– Господи. Господи. Господи. – Ее объятия такие крепкие, что у меня трещат кости.

Я отгаиваю в ее руках и раздражаюсь смехом и слезами одновременно. Эмоции плещут через край, но не каждый же день я знакомлюсь со своей сводной сестрой.

– Да вы оба промокли до нитки! Заходите в дом! Заварить чай? – Кэтлин размыкает объятия, дергает меня за руку и заводит нас в дом. Она бежит в ванную и выходит с двумя теплыми полотенцами. Мы с Мэлом с удовольствием в них заворачиваемся.

– Чай! – восклицает Мэл, словно лучшего предложения в жизни своей не слыхивал. – Какое чарующее слово. Рори, ты знала, что Кэт здорово заваривает чай? Лучший в графстве. Без шуток.

По пути на кухню Кэт хлопает Мэла по груди и хихикает как школьница. Мы бредем по узкому коридору, где на крючках висят пальто и шарфы. Все такое маленькое, аккуратное и уютное. Дом наполнен духом семидесятых благодаря зелеными обоям, деревянной мебели и теплоте свету. Он буквально напитан любовью. Видно, что тут живут люди в отличие от маминого дома в Нью-Джерси, который скорее напоминает помещение с мебелью.

– Не в графстве – в стране, – поправляет себя Мэл.

Кэтлин хлопает Мэла по плечу и властно кладет на него руку. Вздохнув, как будто это привычное дело, он хватается за запястье, разворачивает и проворно прижимает к коридорной стене. Я резко останавливаюсь, наблюдая за разворачивающейся на моих глазах сценой. Мэл держит ее так, как фермер держит скот: грубо и равнодушно, но Кэтлин тяжело дышит. Полуприкрытыми глазами, в которых плещется похоть, она пытается вывести его на решительные действия. Сестра тихо стонет, вздрагивает оттого, что потеряла контроль над собой, и густо краснеет. Мэл смотрит на нее как на погрызенную игрушку. На знакомую старую игрушку, которую жалко выбросить из-за воспоминаний, но играть с ней дальше уже неинтересно.

– Как учеба, Кики? – с горечью в голосе спрашивает он, словно ему претит морочить ей голову.

Тогда почему он все-таки морочит?

Он прекрасно понимает, какие вызывает у нее чувства, и меня это волнует, потому что я вижу, сколько он имеет власти. Кэтлин сейчас в клетке, но Мэл – соглядатай, сторож, удерживающий ее в глупых мечтах и не дающий ключ.

– Отлично, – у нее дрожит голос. – Я... я пыталась до тебя дозвониться. Приходила после воскресной мессы. Твоя мама сказала, что ты занят.

– Так и есть.

– Но, вижу, для Авроры у тебя время нашлось. – Она снова алеет. В ее голосе нет ни капли злости. Только отчаяние.

Моя преданность разрывается между парнем, которого она любит и который пытается мне помочь, и сестрой, что сходит из-за него с ума.

– Она предпочитает имя Рори. – Мэл убирает от лица Кэтлин локон и прячет его за ухо.

Я хочу надавать ему по яйцам, чтобы защитить ее чувства, а потом стукнуть по колену, чтобы защитить свои.

– Извини, Рори. – Она встревоженно мне улыбается и тут же переводит взгляд на него, словно боится, что он растворится в воздухе. – Я скучала по тебе.

Она по нему скучала.

Она любит его.

Я не могу так с ней поступать. Не смогу целовать его, спать с ним или делать с Мэлом все, что заблагорассудится. Потому что я уеду, а она останется. Потому что Кэтлин славная, но даже не будь она славной, все равно остается моей сестрой.

Я бреду на цыпочках на кухню, не показывая вида, как от их вроде бы дружелюбной беседы в груди минута за минутой что-то рушится.

– Останься, – приказывает Мэл у меня за спиной. Тон его голоса уже не такой любезный.

Я замираю, но не поворачиваюсь. Видно, что у Кэтлин к нему сильные чувства, а я хочу показать, что не представляю для нее угрозу.

– Ребят, вы вроде... – начинаю я.

– Ничего. – Мэл вносит ясность: – Мы просто друзья. Верно, Кэтлин?

Она прочищает горло, разглаживая платье. Мое сердце рассыпается на части. Бедняжка.

– Конечно.

Ну какой кретин. Не успеваю опомниться, как Мэл оказывается подле меня и кладет руку на мою поясницу. Он подталкивает меня к кухне, оставив Кэтлин одну. Я на ходу поворачиваюсь к сестре, и она вяло улыбается, жестом показывая идти без нее.

– Я только умою лицо, – бормочет она. – Может, выключу радиатор. Немного взбудоражена.

Я сажусь за обеденный стол и жадно рассматриваю висящие на стенах семейные фотографии. Но на них нет никого, похожего на Глена. Только Кэтлин и ее мама, Кэтлин и их собаки, Кэтлин целует в щеку юного Мэла, на лице которого ужас и самое искреннее отвращение, как у всех мальчишек его возраста. Даже ребенком Мэл вызывает у меня трепет. Что, черт возьми, со мной не так?

Очевидно, все. Он копия моего папы.

Моя сводная сестра наливает нам чай и угощает песочным печеньем, пытаюсь завести беседу. Она рассказывает, что учится на ветеринара, и шутит, что Мэл наймет ее, когда в будущем возьмет на себя бразды правления семейной фермой.

– На самом деле это Мэл посоветовал мне стать ветеринаром. Помнишь, Мэл? Тот день, когда я пыталась спасти голубя? По-моему, это случилось под Рождество, когда нам было одиннадцать.

Мэл смотрит на меня.

– Да. Точно.

Он не помнит. С лица Кэтлин не сходит нетерпеливая улыбка.

– Он просто скромничает. Мэл, погоди, пока я получу диплом. У тебя столько овец и коров. Если постараться, от них будет много пользы. Сдача земли в аренду другим фермерам не самое удачное вложение денег. Я могу помочь.

– Я музыкант. – Он выливает в чай полкоробки молока и пристально смотрит на чашку. – Ферма меня не интересует.

– И все же иногда ты помогаешь Бойлесам.

Мэл пожимает плечами.

– Да, когда им нужна помощь. А еще я иногда хожу посрать. И это вовсе не означает, что я хочу становиться сантехником.

Я прыскаю и чудом не разливаю по столу чай. Чудом.

– Ну какой из тебя музыкант, Мэл? Ты не хочешь быть певцом и не продаешь свои песни, даже когда тебе поступают предложения. – С красными щеками она хлопает ресницами.

Пару минут они пререкаются на эту тему, как вдруг Мэл прерывает поток вопросов Кэтлин, ее аргументов и говорит:

– Мы вообще-то хотели спросить, не могла бы ты поделиться с Рори воспоминаниями о Глене. Она ведь никогда с ним не виделась. Разумеется, если ты не против.

– О, конечно. Я не хотела сама поднимать неудобную тему. – Она улыбается, повернувшись на стуле ко мне. – Конечно, Рори, спрашивай что хочешь. Что тебя интересует?

– Хм... – Я хлопаю под столом себя по коленке. – Каким он был?

Вспоминал ли меня?

Скучал по мне?

Интересовался мной?

– Лучшим человеком на свете, Рори. У нас были замечательные отношения. Папа славился язвительным чувством юмора и огромным музыкальным талантом. На самом деле я знаю только одного парня, который оказался талантливее его. Это Мэл. Папа привык называть меня наггетсом, потому что в детстве я была низенькая и пухлая. Мэл, ты помнишь? Я еще долго на него обижалась.

Кэтлин протягивает руку и сжимает плечо Мэла. Он в то время смотрит на меня. Кэтлин разговаривает со мной немного отчужденно, но я списываю это на ее огорчение, потому что Мэл заявился к ней со мной.

– У него были веснушки, как у нас? – спрашиваю я. Теперь вопрос кажется тупее, чем звучал у меня в голове.

Дело в том, что я никогда не видела своего папу. Совсем. Мама рассказывала, что у него темные волосы, светлые глаза и три подбородка. Да, из этой женщины вышел бы великий поэт.

– Нет, – смеивается Кэтлин. – У него было бледное и гладкое лицо. Веснушки у меня от мамы.

Очевидно, мои мне тоже достались от мамы.

– А у тебя есть его фотография? – Я нервно перебираю пальцы под столом.

– По-моему, нет. – Сестра морщит нос. – А ты ни разу его не видела?

Я качаю головой, пытаюсь проглотить ком в горле от подступающих слез. Наверное, я зря приехала повидаться с настоящей семьей, которая у него осталась.

Мэл хмуро смотрит на Кэтлин.

– Кики, пара снимков Глена у тебя точно найдется.

Она прикусывает губу.

– Мне жаль. Несколько недель назад мама затеяла генеральную уборку и все перенесла на чердак. Думаю, ключ у нее, но ее нет дома. Рори, знай я о твоём приезде, попросила бы ее оставить ключ.

– Он вспоминал меня? – спрашиваю я, уткнувшись в чашку чая. Не хочу видеть на ее лице жалость, когда она ответит.

Смотря вниз, краем глаза я все равно вижу, как Кэтлин ставит чашку на стол и тяжело вздыхает. Почти наигранно. Не понимаю, зачем я так жестока к себе. С каждым вопросом я вбиваю очередной гвоздь в гроб своей самооценки.

– Ох, Рори, мне правда жаль.

Я беру чашку и подношу ее к губам. Горячее пойло жгучим потоком спускается с языка по горлу, но я практически залпом допиваю его, потому что желаю почувствовать хоть что-то – даже боль, – чтобы отвлечься от того, что происходит у меня в голове. В итоге Мэл опускает мою руку с чашкой.

– Уверена, иногда он вспоминал. Он бы полюбил тебя! – отчаянно старается Кэтлин. – Папа всех любил. Правда, Мэл? Даже того придурка Джареда, который каждое воскресенье продавал на углу подделки Burberry.

Мэл загадочно смотрит на нее, потом на меня. Под его взглядом я чувствую себя голой, будто меня лишили одежды, кожи и костей. Он словно глядит мне прямо в душу и препарирует ее ножом и вилкой.

Он приходит в себя, потягивается.

– Прошу прощения, дамы. Зов природы – три галлона мочи призывают меня отлучиться в сортир.

Мэл встает и не спеша идет в ванную. Я понимаю, что он знает этот дом как свои пять пальцев. Он бывал здесь тысячу раз. У них с Кэтлин своя история, свои отношения. Я должна

радоваться, что Кэтлин может выйти замуж за такого парня, как Мэл, если она умудрится его приручить. Такого смешливого, очаровательного и красивого.

Однако я почему-то совсем за нее не рада.

Стоит Мэлу скрыться с глаз, я качаю головой и улыбаюсь.

– Он такой непредсказуемый, правда?

Приторная улыбка Кэтлин тут же исчезает. Она выуживает из лежащей на столе сумочки блеск для губ и обильно намазывает им поджатые губы.

– Не твое дело, какой он на самом деле. Он мой. – Ее дружелюбный голос теперь холодным острым клинком проходит по моей шее.

Я резко вскидываю голову.

– Не поняла?

Она чмокает губами, берет чашку, оттопырив мизинец, и медленно делает глоток.

– Проблема в том, что Мэл падок на бродяжек. Какими бы грязными и бешеными они ни были. – Она угрожающе щурится. – И опасными.

Раскрыв от удивления рот, я замечаю, с каким отвращением она на меня смотрит и как меняется ее лицо.

Притворство.

Все сплошное притворство.

Моя сестра не милая растерянная скромница. Она дьявол.

Она меня ненавидит. И всегда ненавидела. Вот почему отец Доэрти не хотел нашей встречи. Вот почему он отправил меня к своему славному внуку. Кэт просто носит маску для Мэла.

– Знаешь, вернувшись из Парижа, папа признался, что совершил ужасную ошибку, когда стало известно, что он обрюхатил американскую шалаву. Но лично я всегда хотела познакомиться со своей младшей сводной сестрой. Потом он умер, и стало ясно, что ты прискачешь за его деньгами. Я не хотела в это верить. Искренне не хотела. Даже собиралась тебе написать.

– И все же не написала, – смело смотря ей в глаза, процеживаю я сквозь зубы. – Удобно говорить, что хотела со мной связаться, но так этого и не сделать.

Я снова чувствую холод. Хочу, чтобы Мэл вернулся и наплатил комнату своим теплом.

Она язвительно улыбается.

– Забавно, что ты заявила сразу же после его смерти.

Дыхание ускоряется, сердце сбивается с ритма. На что бы она ни намекала, все это полная чушь, далекая от правды.

– Я приехала не за деньгами, – прищурился глаза, шиплю я и молю бога, чтобы вид у меня был такой же свирепый, как хочется передать. – Я приехала посмотреть на его могилу, город, где он жил и вырос. Сделать пару снимков, чтобы смотреть на них и вспоминать, что была здесь и обрела корни. Обрела половину себя, которую не знала. Ради бога, да во мне гены незнакомого мне человека!

Она закатывает глаза и саркастично улыбается.

– Тогда почему не приехала раньше?

– Я не могла принимать такие решения, потому что была несовершеннолетней!

– Поэтому твоя мать отправила письмо моим дедушке с бабушкой с просьбой увидеть завещание? Чтобы ты могла обрести не только наследие, но и хорошую сумку от Gucci?

Удивительно, как моя челюсть не поздоровалась с полом. Хочется придушить маму. Во всяком случае, стоит. Не знаю, на что имею право, мне все равно. Не хочу его дурацких денег. Поездка планировалась не ради них.

– Послушай... – начинаю я, но Кэтлин прерывает меня.

Она наклоняется вперед, вцепившись в мою лежащую на столе руку. Кэтлин сжимает ее до боли. Неожиданно она снова наигранно улыбается. Теперь я понимаю: обнимая меня на

пороге, она действительно хотела причинить мне боль. Кэтлин похожа на девчонку, которая утопит своего старого пса, чтобы уговорить родителей на покупку нового щенка.

– Нет, это ты слушай. Ты ни пенни не получишь из папиных денег. Он все завещал мне, и неспроста. Я его законное дитя. Ты и тот несчастный придурок, что сыграл в ящик, всего лишь досадные ошибки. И, раз уж ты здесь, можешь трахаться с Мэлом сколько влезет, но женится он на мне. Помни об этом, когда будешь извиваться под ним и отдавать свое тело. Он, конечно, не упустит возможности тебя трахнуть, но именно я до конца наших дней буду согревать ему постель. О тебе в двух словах, Аврора: ты дешевая версия меня. В папиной жизни. И в жизни Мэла.

Она еще крепче сжимает мою руку. Я пытаюсь вырваться, но Кэтлин сильная, а я слишком потрясена, чтобы сопротивляться. Ее губы подергиваются, когда она расплывается в улыбке:

– И, пожалуйста, не постесняйся использовать уловку своей матери, чтобы залететь. Ты, безусловно, понимаешь, что он не помчит за тобой в Америку. А если ты собираешься заявиться со своим выродком ко мне домой, то тебя постигнет жестокое разочарование.

Я смотрю на нее, удивляясь, как такое возможно, что меня связывают кровные узы с этим огнедышащим зеленоглазым монстром в кардигане.

– Ты все неправильно поняла. – В очередной раз пытаюсь вырвать руку, но сестра дергает сильнее и впивается в нее накрашенными в нейтральный оттенок ногтями.

Обычно меня не так легко запугать, но сейчас, находясь в шоке и в чужой стране, услышав такое от единственного оставшегося у меня в живых родственника, кроме мамы, я замираю на месте. Значит, я не борец, не тот человек, что может за себя постоять. Я трусиха, которая сидит тут как истукан и ждет, как все обернется.

– Держись подальше от Мэла. Он мой. Деньги тоже мои. Все, что ты здесь видела, с кем познакомилась, принадлежит мне. Уезжай.

– Думаешь, я приехала за деньгами? За предметом твоего обожания? – последнее я буквально выплевываю.

Несколько минут назад я лучше бы умерла, чем пальцем притронулась к Мэлу. Но теперь? Я с радостью завалила бы его на ее обеденный стол, и лучше бы она обедала напротив.

– Я думаю, что ты жадная до денег шлюха, как и твоя мать. Она уничтожила моего отца и все, что я знала и любила. По твоей вине я уже давно его потеряла.

Давно? О чем она? Спрашивать нет смысла, потому что Кэтлин точно не собирается идти со мной на контакт.

– Ну ты и сука, – резко произношу я.

Не самая красноречивая реплика, но зато от чистого сердца.

Кэтлин улыбается.

– Да, я та сука, которой принадлежит все, что ты хочешь, и я с радостью буду носить это звание. Ну-ну, не надо так злобно на меня смотреть. Мэл любит меня больше собственной жизни. Если ты передашь ему все, что я сейчас сказала, он выкинет тебя на улицу.

В ту же самую секунду в дверях появляется Мэл и плюхается на стул. Он замечает руку Кэтлин на моей. Она заботливо похлопывает меня и выпрямляется.

– Родственные узы. Мне нравится. – Он переводит взгляд то на нее, то на меня и зеваает. – Что я пропустил?

– Ничего особенного, – вкрадчиво произносит она и бросает в мою сторону приторную и многозначительную улыбку. – Я просто делилась информацией с Рори, чтобы она быстрее вошла в курс дела.

Глава третья

Восемь лет назад

Рори

– Знаешь, в чем ирония? – спрашивает Мэл, как только мы покидаем дом Кэтлин.

Меня до сих пор тошнит и трясет от нашей встречи. Когда я сообщила Мэлу, что хотела бы закругляться с дружескими посиделками, Кэтлин благородно вызвалась отвезти меня в Дублин. Поистине святоша. Нет уж, Мэл, с присущим ему тактом обкакавшегося младенца уведомил ее, что мы собирались провести ночь вместе.

В первый – и, надеюсь, в последний – раз в жизни я получила удовольствие при виде чужого горя. Да пусть Кэтлин хоть в аду горит, я не подам ей и лосьон для загара.

Небо напоминает бархатное одеяло голубых и оранжевых оттенков. После дождя от асфальта и деревьев исходит свежий землистый запах.

Голова до сих пор идет кругом от тех злобных слов, что Кэтлин гранатами бросила мне в лицо.

Жадная до денег.

Бродяжка.

Шлюха.

– Прием-прием, вызываю Рори. – Мэл обхватывает рукой фонарный столб и кружит вокруг него, как в сцене из фильма, а потом прыгает в лужу и расплескивает на меня воду. – О чем ты думаешь? Если бы обо мне, ты бы сейчас улыбалась.

– Не смешно, – огрызаюсь я на ходу.

Он хватает меня за запястье и разворачивает к себе. Мы стоим у его машины. Я не в настроении садиться за руль. И говорить. И дышать. Хочется, поджав хвост, просто вернуться домой, в Америку, и зализать раны. В Джерси из близких у меня только мама, а здесь ни одного чертова родственника. Вся надежда только на Саммер.

– Что произошло? Кэтлин тебя чем-то огорчила? – хмуро интересуется Мэл, положив руку на мое плечо.

Разум велит держать язык за зубами и молчать насчет речи Кэтлин в духе дона Корлеоне. Совсем не потому, что я желаю ей лучшего, просто не хочу расстраивать Мэла. Необязательно ему знать, что подруга детства – стерва. Срок моего пребывания в Ирландии – ровно сутки. Я банальное чернильное пятно на сложном полотне под названием «Жизнь Мэла». К чему вмешиваться в их отношения, если он все равно мне не поверит? Я ведь видела, как он смотрит на Кэтлин. Без капли влечения. Да, она его забавляет, но с ней он никогда не будет.

Сушее безумие – я делаю то, на что еще никогда не решалась. Бегло бросаю взгляд на дом, убедившись, что Кэтлин стоит у окна и следит за нами.

Она следит.

Кэтлин тербит верхнюю пуговку на кардигане. Застегивает, расстегивает. Застегивает, расстегивает. Губы плотно сжаты, острый, как у ястреба, взор подмечает каждое мое движение.

Я медленно встаю на цыпочки.

«Все – мое. Твоего тут ничего нет».

Посмотрим, сестренка!

Я прижимаюсь к Мэлу губами. Осторожно. Робко. Неуверенно. Раньше я никогда не проявляла инициативу в поцелуях с парнем. Всегда было наоборот. Но я делаю это не ради удовольствия. Я целую его, чтобы позлить сестру.

Мэл нежно присасывается ко мне теплым мягким ртом. Парень явно не ожидал поцелуя. Но он так оплетает мое тело, что мы прижимаемся друг к другу каждым миллиметром. Время идет. Я вижу, как Кэтлин наблюдает за нами. Мои глаза широко распахнуты, а глаза Мэла закрыты. Я мучительно долго упиваюсь страданиями Кэтлин, а потом опускаюсь на тротуар и размыкаю объятия. Опять выглядываю из-за его плеча. Ее алые губы сжаты в такую тонкую полоску, что их почти не видно.

– Нет, – слышу хрип Мэла.

Смотрю ему в лицо, и что-то вакуумом выкачивает из моих легких кислород. Пока я целовала Мэла, его лицо стало мрачным как черная туча. Сейчас он совсем не похож на того лукавого и очаровательного парня. Он напоминает алчущего крови демона: густые брови сведены вместе, глаза мечут молнии, рот искривлен и подергивается, как ледяной шторм.

– Нет? – шепчу я.

– Нет. Ни черта на поцелуй не похоже, и это точно не *наш* первый поцелуй.

Не успеваю я опомниться, как он хватает меня за талию и резко прижимает спиной к машине. Я выгибаюсь дугой и издаю стон, когда его руки находят мои щеки, шею, волосы. Они *всюду*. Он осьминогом оборачивается вокруг меня: теперь не оплетает, а обуздывает. Безумие, но внезапно дождь заканчивается и сквозь облака пробивается солнце.

Мою холодную кожу согревает солнечный свет, а остальное довершает Мэл, излучая тепло, от которого к низу живота приливает жар.

Когда наши губы снова встречаются, это не просто касание – это нападение. Мэл проталкивает мне в рот язык и испускает рык. Языки сплетаются, рыщут, изучают, дерутся. Он животное, ведомое плотским инстинктом, и по-звериному жадно меня пожирает. Мы целуемся, целуемся и целуемся. Господи, и как же невероятно он целуется. Мэл восхитительно пахнет, на вкус божественен, а когда опускает голову на мою шею, оставляя на ней засос, я округляю глаза и вспоминаю, что Кэтлин еще здесь.

Она бдит за нами через окно. По ее щекам бегут слезы, ладонь прижата к стеклу, на котором отпечатался белый след. Я практически ощущаю силу ее прикосновения, словно моя кожа и есть то стекло.

Мы с Мэлом уже не целуемся. Мы фактически занимаемся любовью посреди улицы. Он обхватывает губами мой язык и засасывает в рот.

– Господи, – шепчет он, опуская губы на чувствительную плоть моего плеча, поднимается вверх к подбородку, а потом возвращается к губам. Мэл до сих пор не подозревает, что за нами наблюдают. – Рори, ты горишь под моими пальцами. Как же мне тебя отпустить?

«Горишь». Непривычные слова, учитывая, что мне всегда холодно. Но я чувствую то же самое. Притяжение. Ноющую боль. Это ощущение не такое уж и нежное, приятное и желанное. Я, рыжеволосая ведьма, объятая пламенем у позорного столба, смотрю, как меня испепеляет огонь Мэла.

Я резко отстраняюсь от него и бормочу:

– Здесь не стоит.

Мэл снова целует мои губы. Потом нос. Потом лоб. Он не может остановиться. Совсем себя не контролирует.

– Давай заберем твои вещи из того дорогущего отеля и вернемся домой. Хочу провести в тебе каждую оставшуюся минуту до твоего отъезда.

– *Что?*

– С тобой. Что за пошлые у тебя мысли, девочка.

– В этом ты сам виноват! – смеюсь я.

– От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Почему мы до сих пор здесь и обсуждаем эту тему?

В смятении сажусь на пассажирское сиденье и пристегиваюсь. Мэл размещается за рулем и заводит машину. Несколько часов назад он выпил довольно много пива, но все равно выглядит трезвым. Я смотрю на дом напоследок и ловлю на себе взгляд Кэтлин. Ее глаза мокрые от слез и припухшие. Я не люблю выглядеть стервой, но и не люблю сдаваться без борьбы.

Не оглядываясь и не замечая Кэтлин, Мэл выезжает на дорогу и резко разворачивается назад, в Дублин. Наши руки соприкасаются, и я чувствую то, что не могу объяснить словами. Словно нас связывает не только плоть. Я убеждаю себя, что это чувство не значит равным счетом ничего, что чувствую это только я, но потом убираю руку, зажав ее бедрами, и мы с Мэлом вздрагиваем, будто кто-то отключил нас от электричества.

«Гореть под твоими пальцами все равно что вернуться к жизни», – думаю я.

По пути я понимаю, о чем толковал отец Доэрти. Я – серая белка, непрошенный вредитель, который ворует у местных. Хитрая, умеющая выживать и пораженная болезнью крыса. Но злодеи – это всего лишь неверно понимаемые герои. Я узнала это в тот день, когда поняла, что заклятый враг моей матери – Глен – был героем, с которым я хотела познакомиться всю свою жизнь.

Я устраиваюсь поудобнее и, когда Мэл тянется взять меня за руку, не противлюсь, переплетая наши пальцы поверх коробки передач.

Жизнь слишком коротка, чтобы не целовать того, кого хочешь.

На полпути к Дублину я кое-что вспоминаю.

– Мэл?

– Принцесса? – отвечает он так естественно, словно мы отлично поднаторели в беседе друг с другом.

– Ты упоминал какую-то иронию, но так и не дошел до сути.

– Я? – делано-простодушно уточняет парень.

– Скажи же.

– Даже если это уже неправда?

– Тем более.

– Ну мое имя, Мэлаки, означает «ангел», но в подростковом возрасте Кэт всегда утверждала, что я дьявол, потому что однажды обязательно ее уничтожу. Уверен, в большинстве случаев она шутила. Я всегда был зачинщиком какой-нибудь проделки. Лазал по деревьям, зажигал самодельные факелы, пытался объездить корову...

Судя по его подергивающимся губам, я понимаю, что он пытается сохранить лицо, что он предчувствует готовящееся произойти бедствие.

– Но все же я чувствовал, что отчасти она искренне в это верит. Вот почему я всегда держал дистанцию. Подсознательно всегда боялся ее обидеть.

Я сжимаю его плечо.

– Ирония в том, что ангел – чей-то дьявол.

– Моя фамилия Доэрти означает «неудачник». Впрочем, мама утверждает, что ирландское везение всегда при мне.

– Так в чем ирония? – спрашиваю я.

Мэл отводит взгляд от дороги и смотрит на меня.

– Потому что отныне я не чувствую себя неудачником.

От такого заявления у меня сбивается дыхание. *Ты нравишься мне, Мэлаки Доэрти. Сильнее дозволенного. Однозначно сильнее, чем разрешила мне сводная сестра.*

Я отворачиваюсь к окну и прочищаю горло.

– Она тебе нравится? Поэтому ты опасаясь ее обидеть?

– Конечно. Она вполне мне нравится.

– Ты играешь с ее чувствами.

– Она получает удовольствие.

Не веря своим ушам, я удивленно смотрю на него.

– Удовольствие от того, что ей сердце разбивают?

Я обеспокоена сложившимся от этих слов впечатлением, что отношения с Кэтлин для Мэла сродни охоте. Какими бы ни были мои чувства к сводной сестре, но она не заслуживает такого от своего лучшего друга.

Мэл снова смотрит на дорогу, кусая нижнюю губу.

– Кэтлин скорее по душе быть одураченной, чем обделенной вниманием. Вот почему дважды в неделю она оказывается на пороге моего дома. Слушай, я пытался убедить ее в том, что ей не на что рассчитывать. Она плакала. Ломала мебель. А одним зимним вечером уснула у двери моего дома. Вот чего она хочет. Ей хватает и клочка надежды. Я считаю Кэтлин прекрасной девушкой, но не боюсь, что она имеет надо мной власть. Разве не в том вся суть любви? Найти ту, ради которой можно и убить? Ту, что обладает силой, возможной тебя сокрушить?

Между нами повисает молчание. Я всегда считала любовь чем-то милым и веселым. И в голову не приходило, что любовь может быть депрессивной, порочной и всепоглощающей. И все же раньше у меня и в мыслях не было влюбляться.

– Ты же, с другой стороны... – Мэл постукивает по рулю. – Тебе подвластно уничтожить меня в любое время.

– Значит, ты можешь уничтожить Кэтлин, а я – тебя? – спрашиваю я, наблюдая за пролетающей за окном картинкой. – Убийственный взгляд на ситуацию.

Под темнеющим небом поля простираются как простыни. Завтра я увижу их при дневном свете, а потом не увижу вовсе. Ловить здесь нечего. Ирландия обернулась приятной, но несбывшейся надеждой.

– Так ведь и жизнь убийственна. Внимание, спойлер: в итоге мы все умрем, – пожимает плечами Мэл.

– Я пацифистка, так что за меня не волнуйся. Я никогда тебя не уничтожу, – повернувшись к нему, признаюсь я.

Мэл грустно улыбается, чего я прежде за ним не наблюдала, берет меня за руку и, устремив взгляд на дорогу, целует мои пальцы. Я снова чувствую ту энергию, что ощущалась, когда касались наши руки. У меня нет названия для этой эмоции, но она волнует. Она осязаема. У нее даже вкус есть.

– Уже уничтожила.

Мэл относит мой чемодан в машину, а потом битый час тратит на споры с администратором отеля, пытаюсь убедить ее отпустить меня без платы за номер, который я забронировала на ночь. Терпение у администратора лет пятидесяти с мешками под глазами на исходе. Они забрасывают друг друга доводами, пытаюсь победить в споре. Я беру Мэла за руку и тяну на себя, умоляя его прекратить. Я заплачу. Меня не волнуют деньги. (На самом деле волнуют, но мне совсем не хочется провести оставшиеся в Ирландии минутки, наблюдая за пререканиями Мэла относительно моего счета.)

Мэл отмахивается от меня и продолжает перебранку с женщиной. Он говорит ей забраться в мою шкуру и пройтись в ней, цитируя «Убить пересмешника». Я не шучу. Одновременно хочу и спрятаться под столом, и зацеловать его до смерти.

– Эта девушка проделала долгий путь из Нью-Джерси, чтобы как следует оплакать отца, с которым никогда не встречалась. – Он тыкает в меня пальцем. – В хостеле накосячили с бронью, и она зарегистрировалась у вас только для того, чтобы было где оставить чемодан.

– Сэр, я прекрасно вас понимаю, но не в наших правилах... – возражает она.

Мэл выпускает сердитый вздох и вытаскивает из заднего кармана кошелек. Бросает на стойку кипу банкнот.

– Вы победили. Надеюсь, теперь довольны и ваш босс на эти деньги купит себе виллу на Ибице для своих трех незаконнорожденных детей от секретарши.

Женщина опускает взгляд на раскиданные по столу бумажки.

– Сэр, вообще-то ночь в нашем отеле стоит триста евро.

– Ох... офигеть. – Мэл втягивает в грудь воздух, кидает еще несколько купюр, несколько оберток от жвачки, пригоршню мелочи и что-то похожее на предсказание из печенья. Он поворачивается и хватается за руку.

Мы выскакиваем на холодную улицу. В груди гулко стучит сердце.

– Необязательно было платить за меня. Я верну тебе деньги.

– Отстань, дорогая.

Мэл поворачивается ко мне, и я с изумлением отмечаю, что он весь сияет. Он держится так, словно ничего не случилось. Словно обо всем забыл.

– Ты не сердись? – тарашусь я на него.

– На что?

– Э-э-э... на то, что потратил ради секса заработанные за неделю деньги на номер, которым мы даже не воспользуемся.

Он отмахивается от меня и теперь смеется.

– То было минутой ранее. Пора забыть. Не волнуйся по пустякам, ладно?

Звучит безумно, но я понимаю, что он имеет в виду. Жизнь слишком коротка, чтобы париться из-за всякой ерунды.

Мы садимся в машину и возвращаемся в деревню. По пути на ферму, проезжая мимо дома Кэтлин, я все же бросаю взгляд на окно. Она ушла.

Мы подъезжаем к коттеджу в стиле Тюдоров: белого цвета с черными балками, темной крышей и массивной дверью, на которой уже появились сколы. Домик кажется небольшим, но очаровательным и самобытным – во всяком случае, в темноте. На пути к нему мы пробиваемся через кусты и неподстриженную траву, которая бьет хлыстом по лодыжкам.

– Мама гостит в Килкенни у моего старшего брата Дезмонда, так что здесь только ты и я, – рассказывает Мэл.

– Так круто, что у тебя есть старший брат. – Я пялюсь ему в затылок, когда он, приложив усилия, толкает плечом старую дверь. Она со скрипом отворяется, и мы вваливаемся в гостиную. Крепкий дощатый пол, кованые светильники и мебель из переработанной древесины наглядно демонстрируют, что я уже не в Америке. Если не обращать внимания на потертый желто-оранжевый диван и плоский телевизор, этот дом можно принять за жилье эпохи Регентства.

– Шесть, – бросив ключи в вазу рядом с дверью, добавляет Мэл, поворачивается и притягивает меня к себе.

Я таю в его объятиях.

– У тебя шесть братьев?

Я прижимаюсь к его горячему телу, терзаемая удивлением и завистью.

Мэл пожимает плечами:

– Нас семеро. У меня пять братьев и сестра. Мы же католическое семейство. Дез – старший. Еще у меня пять племянниц и четыре племянника. Не заставляй меня пересчитывать домашних питомцев.

Я откашливаюсь.

– А твой папа?

– Скончался совсем молодым. В сорок лет от сердечного приступа. Я был мальчуганом, когда он помер. Ему же хуже, потому что я слишком плохо его помню, чтобы скучать.

– Мне жаль, – все равно произношу я.

Мэл берет меня за руку и ведет на узкую старую кухню с желтым ветхим уголком. Парень толкает очередную дверь, и мы оказываемся на заднем дворе. Даже в темноте я вижу, какой он огромный. Здесь есть несколько отдельных выгонов, где их семья наверняка держит скот.

Не представляю Мэла фермером. Очевидно, как и он сам, ведь в качестве заработка выбирает уличное пение. Мэл ведет меня к газону и велит ждать здесь. Он исчезает в доме и выходит с одеялами, бутылкой виски и оранжевой пачкой какого-то печенья. Мы ложимся рядышком на траву и смотрим, как прячутся за облаками звезды.

– Ты веришь в Бога? – Я жую печенье с шоколадной глазурью. Намного проще задавать странные вопросы, когда тебя поглощает темнота. Краем глаза вижу ослепительную улыбку Мэла.

– Когда мне удобно.

– А когда тебе удобно?

– Когда нужно перекинуться с Ним словом или перед чемпионатом мира по футболу, когда Ирландия нуждается в молитвах. Моя очередь задавать вопрос.

Я уже закатываю глаза, поражаясь своим телепатическим способностям.

– Почему тебе не нравится шрам?

«Родимое пятно», – так и тянет поправить.

– С чего ты взял, что мне он не нравится?

– Ты не хочешь о нем говорить, – отвечает Мэл.

Я вздыхаю:

– А за что его любить? Он уродливый. Заметный.

– Это самое красивое, что в тебе есть. Благодаря шраму ты не просто красивая мордашка, – признается он.

Я качаю головой. Не хочу даже думать об этом.

– Моя очередь. Чувствовал ли ты когда-нибудь, что все мы просто горим в одиночку?

– Постоянно, – хрипло говорит Мэл. – Но с тобой меньше. Моя очередь: ты когда-нибудь кончала с парнем?

Я давлюсь крошками от печенья и хмуро гляжу на него. Он все так же невозмутимо смотрит на звезды.

– Мэл, какого хрена?

– Прости, но, по-моему, твой вопрос, верю ли я в Бога, такой же личный. Да ведь ты больше никогда меня не увидишь, забыла? Кому я скажу? Своей придурочной овце?

Он прав. У нашего небольшого мирка есть срок годности.

– Нет. То есть я не девственница. Просто я... все же нет. Думаю, в постели с парнем я слишком погружена в свои мысли. Моя очередь, – быстро говорю я.

Меня бесит, что он улыбается. Бесит, что из-за его улыбки покалывает каждая клеточка. Но сильнее всего бесит, что он, как наркотик, обостряет все мои чувства, а вскоре мне придется его бросить.

– Ты правда ненавидишь деньги? – спрашиваю я.

– Терпеть их не могу, – подтверждает он. – Я никогда их не копил. Во всяком случае, сознательно.

– Выходит, Кэтлин права? Ты можешь продавать песни, но не хочешь?

Он наклоняет голову и обхватывает рукой мою щеку. Я чувствую опаляющие живот языки пламени.

– Деньги не сделают тебя богаче, Рори, или лучше. Чем меньше ты зависишь от них, тем меньше препятствий у тебя по жизни. Моя очередь: как думаешь, став старше, ты выйдешь за богатого парня с вареными яйцами?

– Вареными яйцами? – смеюсь я.

Он делает большой глоток виски, но на полном серьезе смотрит на меня.

– Да. Богатеям нравится брать уроки пилотирования, так у них нагреваются яички. А потом они чморят жен за то, что те не смогли залететь, хотя у мужиков все сперматозоиды подошли. Читал об этом в журнале, пока сидел в очереди к дантисту на чистку зубов.

– Спасибо за анекдот. – Я пытаюсь подавить смешок. – Нет, я не собираюсь выходить за богатея. А что?

– А то, что я не хочу для тебя такого будущего и есть в тебе что-то, сводящее парней с ума.

– И что же? – Я пожираю его взглядом.

Мэл пожимает плечами, берет меня за руку и целует ладошку.

– Ты классная.

– Ты любил когда-нибудь? – облизываю я губы.

– Спроси завтра перед вылетом. Моя очередь. Ты когда-нибудь испытывала оргазм от поцелуя?

– Чего? – Брови у меня взлетают на лоб.

На лице Мэла появляется проказливая ухмылка, которая озаряет своим светом весь двор. Она отсвечивает и на меня, даря тепло.

– Ты слышала.

– Нет, – недовольно посмотрев на него, ворчу я. *Он серьезно? Я же только что сказала, что с парнем никогда не кончала.*

Мэл наклоняется и ведет большим пальцем по моей щеке, положив остальные пальцы мне сзади на шею. Он легонько, как перышко, ведет губами по моим губам. Я уступаю, не закрывая глаза и настроенно выжидая. Неожиданно он высовывает язык и облизывает кончик моего носа.

Разомлев, я фыркаю от смеха.

– Это никак не...

Мэл накидывается на мои губы, и не успеваю я опомниться, как он оказывается на мне и, закинув мои руки за голову, придавливает запястья к мокрой холодной траве. Я исторгаю ему в рот стон, чувствуя, как идеально его тело накрывает мое, потому что он весь крепкий и горячий в противоположность моей холодной мягкотелой натуре. Мы словно даже слеплены из совершенно разных материалов.

Он касается языком моего языка, и как-то – *как-то* – они сливаются в чувственном безукоризненном танце, словно мы уже однажды практиковали подобное. Мэл превосходно целуется, затягивая меня в водоворот страсти, что я почти слепну от возбуждения. Я чувствую, как трусики намокают и прилипают к телу. Этот поцелуй – *вот этот* – я чувствую всюду, вплоть до поджавшихся пальчиков на ногах. Только я начинаю верить в то, что он выполнил обещание доставить оргазм поцелуем, как Мэл освобождает мои запястья и отстраняется, вытерев рот тыльной стороной кисти.

– Я не кончила, – скрипучим голосом говорю я, еле шевеля припухшими онемевшими губами. Это скорее обвинение, чем издевка. Почти жалобное хныканье.

– Мы переспим сегодня, Рори? – смотря в сторону, без дураков спрашивает он.

– Это... сейчас моя очередь задавать вопрос, – неуверенно произношу я.

Мэл – самый прямолинейный человек, которого мне доводилось встречать, и я совершенно не понимаю, что с этим делать.

– Задашь потом два. А сейчас отвечай.

Теперь он смотрит на меня, и наши взгляды встречаются в темноте. Даже через одеяло я чувствую, что свежая трава покрыта росой. Прохладно, но в кои-то веки по всему моему телу мурашки бегут не от студеного воздуха. Становится трудно дышать. Господи.

– Я хочу, – признаюсь я.

Мэл глотает, и я вижу, как двигаются мышцы его шеи.

– Но нам нельзя, так ведь? – шепчу я. – Теперь нет, ведь мы очень уж друг другу нравимся.

– Не знаю, – хрипло отвечает он. – Не хочу провести остаток жизни, гадая, как бы это было.

Он ведет рукой вниз по моей шее, обхватив ее ладонью, и наклоняется вперед, так ласково целуя меня, что я начинаю дрожать от нежности его прикосновения. Он проскальзывает языком в мой рот и перекачивается, ложась на меня сверху. Ладони ласкают каждый уголок моего тела: руки, плечи, талию, живот... грудь. Он задирает вверх мои куртку и толстовку и через футболку щелкает пальцем по напряженному соску. На мне спортивный лифчик, но от холода и этих переживаний каждый волосок на теле встает дыбом от невообразимого напряжения и желания.

Мы одновременно стонем, и он снова щелкает пальцем. Потом Мэл опять целует меня, и мы улыбаемся. Не понимаю, как выходит, что вся моя одежда выше пояса – куртка, толстовка, топ – оказываются лежащими рядом с нами. Мэл одной рукой расстегивает лифчик, а другой ныряет в мои вельветовые джинсы.

– Тебя здесь кто-нибудь трогал? – спрашивает он, водя средним пальцем между складок. Я резко вздрагиваю от удовольствия и вся сжимаюсь от напряжения.

– Да. – Рот наполняется слюной.

– А так? – Он вводит палец, и мы оба слышим, как сильно я возбуждена. Я краснею как маков цвет в его объятиях.

– Хм-м. Мой бывший, Тейлор.

– А так Тейлор делал? – Мэл ведет мокрым пальцем к моему клитору, медленно поглаживая его круговыми движениями.

Я запрокидываю голову и закрываю глаза. Нет, Тейлор знал, как касаться моего тела. Просто я всегда казалась слишком отстраненной, чтобы полностью отдаться удовольствию. Словно воображала половой акт. Но сейчас? Я чувствую. Всюду. Под Мэлом я в исступлении, горячая и мокрая. Он обхватывает губами мой левый сосок и посасывает его. Перед глазами вспыхивают фейерверки и звезды. Я напрягаюсь от удовольствия. Мне нравится, что Мэл сначала думает обо мне. Нравится, что он полностью одет. Нравится, что он четко знает, что делать, даже если практиковал это на других девушках. На многих девушках, конечно же.

– Господи, – стону я.

– Забудь о нем, слышишь? – шутит Мэл, покрывая поцелуями мою грудь, плечи и шею. Он дразнит меня, покусывая, и я начинаю дергать бедрами, вжимаясь в его руку, которая оказывается у меня в трусиках. Он быстро трет клитор, и я готовлюсь к оргазму. Мэл вводит в меня два пальца и громко стонет. А потом, когда от экстаза меня пробивает дрожь и я кончаю, он засовывает руку в мой рюкзак, вытаскивает камеру и делает фото моего лица.

Он запечатлевает меня в самую незащищенную минуту. Я хочу наорать на Мэла, но он бросает камеру на плед и смотрит вниз, я отпускаю обиду. Он не выглядит самодовольным, радостным или бесцеремонным. Он выглядит... измученным.

– Рори?

– А?

– Я все же заставил тебя кончить.

Я моргаю, смотря на свои скрученные вокруг бедер штаны.

– А теперь ты заставишь кончить меня, – говорит он. – Надеюсь, после того, как в тебе окажется мой член. Черт, не могу на тебя наглядеться. Ты прекрасна.

Он расстегивает ремень, спускает штаны, открывает кошелек и начинает натягивать презерватив. Я скидываю ногой брюки, отчаянно стараясь не думать о том, что у Мэла в любой удобный момент всегда наготове презервативы.

Мне не удастся хорошенько разглядеть его пенис. Я намеренно избегаю зрительного контакта с его членом. Пенисы меня пугают. Особенно необрезанные. Они напоминают вывернутые рукава свитера после дикой скачки в стиральной машине.

Подготовившись, Мэл смотрит на меня, поставив обе руки рядом с моей головой. Я краснею, закрыв лицо руками.

– Хватит так на меня смотреть.

– Как?

– Ухмыляясь, как будто ты нассал в джакузи, где все балдели, и удрал. Ты подарил мне оргазм, а не изобрел лекарство от рака.

– Еще вся ночь впереди, – шутит Мэл, чмокнув меня в голову. – Готова? – спрашивает он, примостившись между моих ног.

Господи, да. Я киваю.

Он входит в меня, не отводя глаз, а когда начинает двигаться почти смущенно и совсем не так плавно и искусно, как я представляла, то оказывается, что Тейлор не до конца исполнил задачу по лишению меня девственности.

Я морщусь. Мэл охает. Он целует меня с такой страстью, что я чувствую, как от его поцелуя внутри все приятно сжимается.

Он замирает, без предупреждения кладет руку на мою левую грудь, хмурится и смотрит в небо.

– Что?.. – Я осекаюсь, поняв, что он делает.

Сразу вспоминаю свои слова, что пересплю с ним только через свой труп. Лежа под ним, не могу сдержать смех.

– Еще дышит, – подтверждает Мэл и бросается на меня с очередным жадным поцелуем. – И живет всех живых под моими пальцами.

– Мне больно, – издаю стон в его раскрытый приветливый рот и цепляюсь за его плечи.

– Не волнуйся, принцесса Аврора, – рычит парень: горячий, мягкий и живой. – Я обязательно покачну твой замок, даже если это будет последний подвиг в моей жизни.

Два часа утра

Я резко просыпаюсь в постели Мэла. В комнате сплошная темнота: нет света ни от фонарных столбов, ни от проезжающих мимо машин, ни от электронных приборов. Что открывай глаза, что нет – разницы никакой. Я чувствую, как его горячий мокрый язык ненасытно кружит у меня между ног.

– Что ты делаешь? – стону я.

– Пробую тебя. – Мэл глубже зарывается языком, и я извиваюсь под ним от удовольствия. – Святые угодники, Рори. Ты божественна на вкус.

– Мэл, что ты...

Но затем он касается моего клитора и, смыкая на нем губы, засасывает в рот. Я стискиваю бедрами его лицо, хватаю за волосы и, прижав его голову к себе, выгибаю спину на подушке, издавая стоны.

– Дорогая, ты разбудишь Англию. – Мэл погружает в меня палец и тут же щелкает языком по клитору.

– А тебе какая разница? Ты же на них зуб точишь.

Мэл смеется и опускается с французским поцелуем; согнув пальцы, он находит эрогенную точку, и от восхищения у меня поджимаются пальчики на ногах.

Я снова кончаю с его именем на своих устах.

Три часа утра

– Важна не техника, а энтузиазм, – объясняет Мэл, его член направлен в мою сторону.

Он толще и длиннее, чем у Тейлора. С выпирающими венами и грозного вида. Наконец-то мне удастся найти в Мэле что-то несовершенное, хотя чувствовать его в себе очень приятно.

– Просто покажи все, на что способна. Честно говоря, я все равно кончу секунд через двадцать. Рори, ты дико возбуждаешь.

Я обхватываю губами его член, а спустя пятнадцать секунд, когда Мэл кончает мне на грудь, понимаю, что он был прав. Мы падаем с кровати на пол, сплетаясь ногами и безудержно хохоча.

– Рори! – грохочет он. – Я скорострел! Теперь придется тебя убить, чтобы сохранить свою тайну.

– Успокойся, я тебя не выдам. – Зевнув, я перекатываюсь на полу и ударяюсь о дверь. Во рту вкус его соленой плоти. До сих пор чувствую его на своем языке. – Да и скоро мы окажемся по разные стороны океана, помнишь? Кому я скажу? Своей аквариумной рыбке?

– У тебя есть рыбка? – Мэл впадает в ступор, словно ему горько, что он так мало обо мне знает.

– Заведу несколько, чтобы поднять тебе настрой.

– Просто признай, что я тоже могу тебя уничтожить, – вдруг говорит он с другого конца комнаты. Мы лежим на полу и пялимся в потолок.

– Почему?

– Потому, что от тебя у меня дыхание спирает, так что ты уже наполовину выполнила план по уничтожению.

Я качаю головой, проводя пальцами по губам так, словно застегиваю молнию.

Мэл поднимает с пола медиатор и кидает его мне.

– Пока не стану отнимать у тебя твое сердце. Только не привязывайся.

Я смеюсь, но он замирает и смотрит на меня. Клянусь, у него на лице выражение необычайной скорби.

– Простишь меня? – спрашивает он.

– За что? – морщусь я.

Он отводит глаза и глотает.

– Хороший вопрос. Полагаю, раз не дал тебе то, за чем ты приехала.

Четыре часа утра

– Иногда ты создаешь музыку. Иногда музыка создает тебя, – объясняет Мэл. Мы сидим на его кровати, делим пачку сладостей, которые он называет сахарными кругляшками, и пьем молоко из картонной коробки. – А когда музыка тебя создает, ты меняешься и потом знать не знаешь, как из этого выпутаться.

– С фотографией точно так же, – киваю я. – Я чувствую себя режиссером и показываю то, что мне заблагорассудится тебе показать. Могу представить фон за твоим домом прекрасным или зловещим, печальным или счастливым. Все дело в ракурсах, фильтрах и композиции.

– Я не хочу петь. Внимание меня не заводит.

– Знаю. – Я улыбаюсь. – Как раз поэтому я тоже прячусь за камерой. Ну... Полагаю, внимание и меня не заводит.

Я краснею.

– Выходит, ты понимаешь. – Мэл радостно улыбается. – Я не продам свои песни. Они – мои.

– Делай то, что приносит тебе счастье. Общество поймет. А если нет, это проблема общества, не твоя.

Тишина.

– Рори, выходи за меня. – Он поворачивается ко мне. – Давай останемся тут, будем трахаться, создавать музыку и делать фотографии.

Я смеюсь и закидываю конфетку в рот. Но Мэл выглядит серьезным и ждет ответа.

– Мэл... – произношу я.

Господи. Он до сих пор смотрит на меня и ждет ответа.

– Меня ждет учеба. Через несколько недель я уезжаю в колледж.

– У нас тоже есть тут колледжи.

– Я уже зачислена. Оплатила учебу. Получила комнату в общежитии. Еду со своей подругой Саммер.

– У меня есть некоторые сбережения, – убеждает он. – Я хорош в своем деле. Смогу нас обеспечить.

– Ты не в себе.

– Я никогда и не утверждал обратное. – Мэл мрачнеет, и по его сердитому тону я понимаю, как трудно ему сохранять терпение. Потом он качает головой, улыбается, ложится на меня и покрывает мое лицо горячими влажными поцелуями.

Мэл шарит по тумбе, пытаюсь нащупать еще один презерватив. Но его нет. Мы все использовали. Он перестает меня целовать и молча просит разрешения. Каждой клеточкой чувствую груз принятого мной решения. Особенно памятуя о том, как я появилась на свет. В эту секунду я становлюсь своей матерью. В эту секунду мои желания и похоть превыше логики.

Я киваю ему.

– Только не мешкай, пожалуйста. Сложно растить ребенка во время выпускных экзаменов.

– Иди на хрен, Рори.

– О, пожалуйста, Мэл.

Утром, перед отъездом в аэропорт, я настойчиво угощаю Мэла завтраком. Он и так заплатил за мой номер и еду. Завтрак – меньшее, что я могу для него сделать.

Мы оказываемся в «Кабаньей голове». Видимо, местные едят только в этом заведении. Туристы со всех уголков мира приезжают в Толку, чтобы напиться ирландским духом маленького городка, поглядеть на сельское хозяйство и побывать в местной пивоварне. Я узнала, что это место славится и своим маслом. Когда мы заходим, в пабе полным-полно народу, но, заметив Мэла, красивая светловолосая барменша находит нам столик.

– Я соскучилась, жулик, – подмигивает она ему.

Без труда можно понять, что между ними что-то было.

Мэл щелкает ее по уху.

– И минуты не прошло.

– Позвонишь мне на выходных?

– Смотря чего хочет красавица, – отвечает Мэл. Она может позвонить ему просто так, или пригласить на свидание, или предложить перепахнуться. Но ведь мое имя тоже означает «красавица». Вряд ли он в курсе.

Прошлой ночью я пять раз занималась сексом с Мэлом, и теперь у меня ноет все тело. И я не говорю уже о дополнительных упражнениях. Мы не обсуждаем тот раз без презерватива, потому что он успел выйти. Я убеждаю себя, что все будет хорошо, но ради собственного спокойствия решаю купить в аэропорту таблетку экстренной контрацепции.

Сделав заказ за барной стойкой, я сажусь и морщусь. Мэл хватает меня за руку и прижимает ее к своим губам.

– Давай попробуем еще раз при белом свете. – Он откашливается. – Останься.

Я разрываю пачку чипсов и, закинув пластинку в рот, пережевываю ее, но не тороплюсь с ответом.

– Я ведь уже говорила, что через две недели уезжаю в колледж.

– На хрен колледж.

– А как же моя мама?

– Ее на хрен не надо. На такие выкрутасы я не очень-то падох. Но ты ее ненавидишь, Рори. Будем каждый месяц посылать ей лак для волос. И билеты на самолет каждое Рождество. Если хочешь, и на Пасху. – Мэл протягивает руку к «Гиннессу»⁹ – утром, да – и делает большой глоток. – Останься, Рори. Это судьба. Только не говори, что не заметила, как перестал вчера идти дождь, когда мы поцеловались.

Я открываю рот, чтобы возразить, как вдруг отключается электричество. В пабе светло, но мне все равно не по себе, когда гаснет экран висящих телевизоров, умолкает песня «Lord of the Dance» и останавливается гул технических холодильников.

Между нами повисает молчание. Все как-то резко стихли. Не уверена, но кажется, некоторые смотрят на нас. Наверняка услышали последнюю фразу, когда музыка смолкла, и теперь ждут моего ответа.

Они знают, что Мэл сделал предложение?

Я чувствую ком в горле, смотря на свои лежащие на столе руки.

– Рори? – настаивает он.

– Я не верю в судьбу, – тихо признаюсь я, не сводя глаз с открытой пачки чипсов. – Тебе двадцать два года, мне – восемнадцать. Мы оба знаем, что наши отношения не продлятся долго.

А не спорю ли я с собственной судьбой?

Снова включают электричество. Эта дурацкая случайность за пределами человеческого понимания. Раздосадованная, я нахожу утешение в том, что по телевизору показывают футбол, музыка заглушит наш разговор, а местные вернутся к своему трепу.

Мэл ничего не говорит. У него вытягивается лицо, словно он только сейчас понял, что я права. Я сжимаю пальцами колечко в носу и вожу его туда-сюда.

– Эй, а что думаешь об отношениях на расстоянии? Я планирую учиться и устроиться на работу, так что следующим летом могла бы приехать. Может, получится и на Рождество. Зависит от цен на билеты.

Проговаривая эти мысли вслух, я пытаюсь убедить себя, что дело выгорит. Нужно лишь оплатить билеты. У Мэла есть машина и дом.

Но он трясет головой, откидывается на спинку стула и начинает раскачиваться.

– Рори, либо все, либо ничего. Черт подери, расстояния я не вынесу.

Его ответ чуточку меня злит. Значит, он хочет меня, но только на своих условиях. Это нечестно. Если человек не желает ждать, значит, он тебя не заслуживает.

Я не могу сорвать его из родного дома и попросить переехать в Америку, просить оставить братьев и сестру, племянников и племянниц, мать, пожилого приемного деда и скорбящую подругу детства, которая испытывает к нему чувства и наверняка хочет занять мое место.

И даже пытаться не буду после бесцеремонного ответа на мое предложение поддерживать отношения на расстоянии.

– Мы можем подписаться друг на друга в соцсетях... – начинаю я, но Мэл меня перебивает:

– И смотреть, как ты встречаешься с другими парнями? Нет уж, благодарю покорно. Я и так стараюсь не наложить на себя руки из-за ненависти к себе. И мы оба знаем, что ослепительно глупо наблюдать, как мы трахаемся с другими.

Я сурово гляжу на него, скрестив на груди руки.

– Ладно. Тогда оборвем все здесь и сразу.

– Я не могу так резко все оборвать, – возражает он.

Боже, как же с ним сложно.

– Ты не оставляешь нам другого выбора, – скрежещу я зубами.

– Ложь, – парирует он.

⁹ Пиво этого бренда самое известное и потребляемое в Ирландии.

– Что ты предлагаешь?

– Договор. – Мэл торопливо подвигает стул и наклоняется ко мне. – Вы, янки, обожаюте всякую хрень юридической силы, правда ведь?

Он тянется к сумке рядом со мной и открывает ее. Вытаскивает мою камеру и ручку, выбрасывает приборы из свернутой салфетки и разглаживает ее на столе.

– Согласен, сейчас неподходящее время для женитьбы. Но если мы встретимся снова, при любых обстоятельствах, в любое время, мы будем вместе, Рори. К черту супругов. К черту парней и девушек. К черту весь мир. Если судьба позволит, мы не встанем у нее на пути, несмотря ни на что. Слышала?

Я смотрю на него так, словно он с дуба упал. Что он курит и как сделать так, чтобы это вещество никогда не попало в руки нашей молодежи?

– Вероятность встретиться снова меньше нуля.

– Бзд, опять ошибаешься. Немногим больше нуля. Я бы ставил от нуля до пятнадцати процентов, – жизнерадостно заявляет Мэл.

Не понимаю, как ему удастся быть таким беспечным, но жаловаться не смею. Мэл сделал мне предложение, и я почти уверена, что он не шутил. Я ему отказала. Вообще-то при всем честном народе.

– А если один из нас будет искать другого? – спрашиваю я.

– Это мухлеж, – качает головой Мэл. – Встреча должна случиться сама по себе. Искать друг друга нельзя.

– И все же? – Есть у меня ощущение, что этим человеком окажусь я.

– Тогда договор прекращает действие, и тебе не придется выходить за меня замуж.

– Мне придется выйти за тебя, если мы встретимся вновь? – Таращусь я на него, но улыбаюсь.

Мэл пожимает плечами.

– Ставки высоки, но из них получаются отличные истории, принцесса Аврора из Нью-Джерси.

– Сколько же у меня власти, чтобы прикончить тебя. А ты даже не дашь мне свой номер, – бурчу я и делаю глоток диетической колы.

– Я не даю тебе свой номер, потому что не хочу, чтобы это прикончило и меня, – с мрачным взглядом цедит он сквозь зубы.

Я пытаюсь не злиться на него, потому что понимаю: все, что он говорит, правдиво и искренне. Мы не можем быть вместе, а поддерживая связь, вождедель будем еще больше. Мэл бегло корябает условия договора на салфетке. Потом подписывает его и двигает ко мне.

– Когда будешь готова.

Сначала я читаю.

Настоящим договором мы, Мэлаки Исаак Доэрти и Аврора (как там тебя дальше зовут?), обещаем друг другу: если случится чудо и наша встреча состоится, у нас все получится при любых обстоятельствах, правилах и условиях. Невзирая на потери и последствия. Мы поженимся. Мы будем жить долго и счастливо. С детьми, собаками и придурочными овцами.

Правила: не искать друг друга в интернете. Не искать друг друга вообще. Но если это случится – договор обязателен к исполнению.

Мэлаки

Мэлаки Исаак Доэрти и Аврора МакСупер О'Классная

Если случится чудо.

Он знает. Я знаю. И все же нельзя силой удерживать человека. Нельзя вынудить человека совершить обреченный на провал поступок. В мои планы не входит переезд в Ирландию после окончания колледжа, а жизнь Мэла целиком и полностью тут.

Я заменяю свое имя на «Аврору» Белль «Дженкинс», чтобы Мэл понял: я уже хочу, чтобы он сжульничал, – и ставлю подпись. В голове проскальзывает мимолетная мысль, что я никогда не называла ему свое второе имя, а он на него намекал.

Мэл фотографирует салфетку и передает мне камеру.

– Твоя копия соглашения. Для сохранности.

Он засовывает салфетку в задний карман и снова принимается за «Гиннесс».

– Я серьезно, – дергает он плечом. – Заверю ее у нотариуса и проставлю апостиль.

– Знаю. – Делано беззаботно бросаю в рот пластинку чипсов.

– Остается лишь надеяться, что я не успею скончаться от разбитого сердца. – Мэл допивает пиво.

Я размышляю о Кэтлин и толпе девушек, что всюду за ним таскаются и готовы утешить в своих объятиях.

– О, думаю, ты переживешь.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ САЛФЕТКИ

Знаете, я не возлагаю высоких надежд на этот наспех написанный договор. Думаете, это мое первое родео? Ребят, я сделана из вторичного сырья.

Я много чего повидала и знаю, как это обычно бывает. Они подержат обещание несколько недель. Может, месяц, если действительно влюбились. Потом я стану мятой, вонючей, надорванной. Или меня найдет его мать и выкинет в мусор, браня на чем свет стоит своего безалаберного сыночка, который не сейчас, конечно, но к тому времени уже будет паялить другую девушку.

Я – жертва их спонтанного решения. Я могла бы скончаться красиво, уютно притулившись в мусорной корзине среди других салфеток, пластиковых бутылок и остатков еды, которые ленивые работники могли бы отскрести и выбросить в другое ведро.

И не в тему будет сказано, на слове «потери» пятно от кетчупа размером с горошину, и оно адски зудит.

Какая же чушь тут написана.

Мы подъезжаем к дублинскому аэропорту, и я закидываю на плечо рюкзак, достаю из багажника чемодан и настаиваю, чтобы Мэл не провожал. Он припарковался двойным рядом перед другой машиной.

– Ненавижу сцены из фильмов, где действие происходит в аэропорту. Они патологически безвкусные. Это не про нас, Мэл.

Я убираю волосы за уши и, уткнувшись носом в землю, хихикаю.

Дело в том, что я уже уничтожена. Если мы проведем вместе еще несколько душевных минут, я проплачу весь путь домой, а это очень щекотливая ситуация.

Мэл водит большим пальцем по моей нижней губе и улыбается.

– Счастливого пути.

– Спасибо. – Но продолжаю стоять как истукан. Жду... чего, хотелось бы знать?

Я не хочу уезжать. Не хочу тебя покидать.

Вспоминаю кое-что важное. Расстегиваю чемодан и шарю в нем в поисках «Полароида». Найдя, вскакиваю и делаю наше совместное фото. Отдаю Мэлу.

– Нечестно, что у меня останутся все наши снимки, а у тебя ни одного.

– Это не так, – улыбаясь, поправляет меня он. – У меня останутся воспоминания.

– И наш договор. – Я сжимаю его плечо, но уже чувствую, как мы отдаляемся друг от друга. Словно мы опять незнакомы. – Он тоже у тебя остается.

Мэл закатывает глаза.

– Надеюсь, я не задрочу его до смерти в первую же неделю после твоего отъезда.

Я смеюсь и внимательно смотрю на салфетку, утешая себя тем, что она неодушевленный предмет, но смех у меня нерадостный.

Мэл обхватывает мое лицо ладонями и так крепко целует, что я теряю равновесие. Его сердце бьется быстро и гулко, словно вот-вот вырвется из груди. *«Возможно, – безнадежно думаю я, – это было бы к лучшему»*. Я хочу схватить его и забрать с собой туда, где Кэтлин не сможет до него добраться.

Мы медленно отодвигаемся друг от друга, словно наши тела склеены.

– Не будь с Кэтлин, – шепчу я, поднимая взгляд на его лицо. – Она тебя не уничтожит.

В голову приходит цитата Буковски: *«Найди то, что любишь, и пусть оно убьет тебя»*. Думаю, именно это со мной и приключилось.

– Не буду. А ты не будь с туповатым пижоном с вареными яйцами. Ты рождена для величия, прин-цесса.

– Не буду, – улыбаюсь я.

Мэл пальцем приподнимает мой подбородок, чтобы наши взгляды встретились, и произносит:

– Спроси меня еще раз.

Мне не нужно признание. Я и так знаю. Знаю, потому что чувствую то же самое, и моя сила воли теперь трещит по швам. Я прижимаю ладонь к его груди и считаю удары сердца.

– Любил ли ты когда-нибудь? – Я не могу подавить эмоции, что прочно обосновались у меня в горле.

Мэл усмехается, глядя на меня.

– Прощай, Рори.

Взглядом готова его прибить, но сама ухмыляюсь.

– Подонок!

– Что? – смеется он.

Я тоже смеюсь. Теперь по-настоящему. Я понимаю, что нам обоим это нужно. Нужно снять напряжение.

– Зачем велел спросить, если ответ отрицательный?

– Я не говорил, что ответ отрицательный. – Мэл ведет руками по моим плечам. – Но, признавшись тебе, признаюсь и себе. Потом придется тебя искать, а тем самым нарушу и договоренность. Рори, пойми наконец: при следующей встрече я заберу тебя с собой. Мне плевать, если у тебя будет парень, муж или гарем из мужчин, сражающихся за твою любовь. Если к тому времени ты родишь детей, я воспитаю их как своих. Так что, полагаю, извинения уместны.

– За что? – непонимающе спрашиваю я.

Мэл поворачивается, собираясь уходить. Я понимаю, что вообще не готова прощаться.

– За то, что при следующей встрече обязательно вмешаюсь в твою жизнь и переверну ее с ног на голову. В любви и на войне все средства хороши, да?

Но Мэл не ждет ответа. Он залезает в машину и уезжает, оставив меня в аэропорту, где я до сих пор чувствую ладошкой ритм его сердца.

Глава четвертая

Наши дни

Мэл

Здесь, на балконе, Аврора смотрит на меня так, будто я нагадил ей в суп.

По правде сказать, после всего, что приключилось со мной за эти восемь лет, я так бы и поступил, подвернись мне подобная возможность. Как обычно бывает, возможность не подвернулась. Так что ума не приложу, почему Аврора охвачена таким ужасом и удивлением.

Между тем годы, что мы провели порознь, были к ней благосклонны, чего нельзя сказать обо мне. Ее волосы того же причудливого цвета и чудненько бы смотрелись намотанными на мой кулак. В носу колечко, которое она наверняка и по сей день теребит не переставая. Длинные ноги в чулках в сеточку и одежда пятнадцатилетней малолетки, фанатеющей от Yungblud и 5 Seconds of Summer. Над ее верхней губой родинка в стиле Мэрилин Монро, на виске выступающий шрам в форме полумесяца, историю которого она, уверен, до сих пор не знает. И такие густые ресницы, что на щеках Авроры появляется тень, когда она опускает глаза.

Хороша, без сомнений. Как и большинство женщин.

Большинство женщин, ради которых я не стал губить свою жизнь.

Сейчас мысль о том, как я мучился виной из-за того, что не все рассказал ей – не смог, потому что дал клятву, – вызывает у меня смех.

Да, я многое скрыл от Авроры.

Но она поступила куда хуже и многого меня лишила.

Спроси вы сегодня, что привлекло меня в ней в тот судьбоносный день на Друри-стрит, я не смогу дать точного ответа. Она милая, но слишком зациклена на себе, как и все якобы понимающие в искусстве девицы, которые прекрасно орудуют как камерой, так и ртом на членах богатеньких мажоров.

Я давал себе слабину. Промежуток с шестнадцати до двадцати двух лет прошел в тумане беспробудного пьянства. Такая, как Аврора, с легкостью проникла в мое безнадежно жизнелюбивое сердце.

Однако к тридцатнику сердце мое покрылось ледяной коркой, как деревья в зимнем саду. А еще я давным-давно перестал укладывать к себе в постель роковых барышень и обещать им вечную любовь.

Рори оказалась непревзойденным учителем, так что урок усвоен.

Да, Аврора Белль Дженкинс ни капли не изменилась.

А я? Совершенно другой парень.

Она поворачивается ко мне лицом и тянется неуклюже и неуверенно, желая меня обнять. Я тоже разворачиваюсь, но за спиной цепляю руки в замок. Когда Аврора понимает, что теплого приветствия ей не видать, я протягиваю руку и, приподняв ее подбородок большим пальцем, закрываю удивленно раскрытый рот.

– Ты здесь, – шепчет она.

– Всегда наблюдательная и смышленная Аврора. – Я порывисто улыбаюсь. Мое пальто до сих пор у нее на плечах, ведь я помню, что ей всегда холодно. Как-то не довелось признаться, что мне, напротив, всегда невыносимо жарко.

Нам правда было очень хорошо вдвоем. Во всяком случае, те двадцать четыре часа.

Настороженно и удивленно глядя на меня, она делает шаг назад, как перепуганный звёрек, услышавший смертоносный щелчок курка. Напрасно, не стоит. Я никогда не причиню ей

боль. В физическом смысле точно. Разве не я тот самый тупица, что потратил на нее все свободное время, когда она была в Ирландии? Да-да, вот он я.

В воздухе так и висит очевидная тема, но если Аврора считает, что я сжалюсь и первым заговорю о прошлом, то ей еще предстоит познакомиться с обновленной версией Мэла. Он очень отличается от того парня, что она оставила в Ирландии.

– Почему... как... зачем ты здесь? – удивленно хлопает она глазами.

Ее обескураженный и растерянный вид не приносит мне тот моментальный восторг, какой я ожидал прочувствовать все эти годы, не зная, суждено ли нам снова встретиться. Если Аврора не изменилась, то это ее состояние продлится недолго. Скоро она вновь адаптируется.

Я имел удовольствие заметить ее сразу, как вошел этим вечером в зал. Узнал ее в ту же секунду. В конце-то концов, Аврора навечно и мучительно въелась в мое сознание.

– По работе, – отвечаю. – А ты?

– Аналогично. – Аврора прочищает горло и выпрямляется, вернув привычное хладнокровие. – Ты теперь певец? Мэл, это чудесно.

– Я пишу песни, – возражаю я и делаю глоток виски. Заметно, как она потрясена и обижена тем, что я не бросаюсь ниц к ее ногам с признаниями в любви. Да я и сам в шоке. Спросите двадцатидвухлетнего Мэла.

– А ты? – киваю я в ее сторону.

– Я фотограф в «Блю Хилл Рекордс». – Она улыбается, пытаясь разрядить обстановку. – Боже, Мэл, не представляла, что снова с тобой увижусь. Судя по всему, мы все так же предсказуемы, как и наши родные края.

– Говори за себя. – Я окидываю взором ее тело, стараясь не задерживаться на том, что раньше вызывало интерес. – Может, ты и предсказуема. У меня же припасена пара новых трюков.

Улыбка сходит с ее лица. Аврора открывает рот, собираясь ответить. Наверняка хочет дать достойный отпор, она всегда была боевой, и сомневаюсь, что это изменилось. Но вдруг открывается дверь, и на балкон вваливается Джефф Райнер.

Джефф Райнер – то, что случается с каждой чертовой книгой, когда в ней появляется банальный герой с ничтожной индивидуальностью, толстым кошельком и внушительным наследством. Его словно специально создали в подвале низкобюджетной голливудской киностудии. Потрепанный, зависимый от наркоты и гнусный продюсер.

Несколько лет назад он получил в наследство от отца небольшую студию звукозаписи «Блю Хилл» и решительно намерен ее угробить. Его недавнее приобретение – контракт с Эштоном Ричардсом, сольным исполнителем, таланта в котором столько же, сколько в полупустой бутылке смазки. Ричард являет собой плачевную помесь бомжа, модели и изгнанного участника группы One Direction. Певец из него такой же, как из меня фараон. Ему, наделенному вокальным диапазоном забитого кита, остается полагаться на автотюн и свои ярко-синие глаза.

Второе приобретение Джеффа Райнера – я, ваш покорный слуга. За скромную сумму в один миллион евро мне полагается написать песни для следующего альбома Ричардса. Скромную, потому что моя гордость бесценна. И все же во имя всеобщего блага я отказываюсь от прежних принципов. И за это тоже ответственна она.

Благодарю покорно, Аврора.

– Дженкинс! Вижу, ты уже познакомилась с героем дня, – язвит Райнер, зигзагами петляя к нам, изо рта у него торчит сигарета. Он похож на Шалтай-Болтая в пестром костюме, мокрая верхняя губа омерзительно блестит. – Это Мэлаки Доэрти. Мэл, это Рори, наш младший фотограф. Рори снимала обложку для нового альбома «Фиона в Стране чудес».

Та обложка великолепна. Принцесса поп-музыки в противогазе и пышном свадебном платье стоит в открытом поле.

На секунду становится интересно, не Аврора ли предложила этот образ, но тут же решаю, что мне до лампочки. Значит, эта вероломная девица оказалась профи. Звоните чертовым репортерам.

– Рори, Мэл – один из величайших поэтов нашего времени. Он продал несколько классных песен, в том числе «Найти тебя, потерять себя», «На Друри-стрит», «Под звездами» и «Принцесса из Нью-Джерси».

Если она понимает, что значат эти мучительно очевидные названия, то виду не подает. Я этому рад. *Тупая или бессердечная?* Учитывая, что мне о ней известно, уверен: последнее.

– Как здорово, – насмешливо огрызается она, пытаясь взглядом просверлить дырку у меня в черепе.

Она отлично приспосабливается к меняющейся обстановке. Аврора ни капли не рада нашей встрече. Не страшно. Не хочу, чтобы она была добровольной участницей этой игры. Хочу, чтобы она просто внесла свою лепту. Так выйдет намного сумбурнее, а сумбур – это весело.

– Рори, я позвал тебя, чтобы сделать выгодное предложение. Джейк, наш старший фотограф, сейчас с Cold Blaze в их последнем туре. Закончив, он на какое-то время оседет в Нью-Йорке, его девушка ждет ребенка. Так что для следующего проекта нам нужен фотограф.

– Я к вашим услугам, – кивнув, поворачивается к нему Аврора.

Я поджимаю губы, стараясь спрятать довольную ухмылку. Райнер не спеша встает между нами, поворачивается и облакачивается на перила балкона, смотря то на меня, то на Аврору.

– Это ценное предложение, Дженкинс.

Она кивает, направив все внимание на него.

Она по-прежнему убийственно красива. Ее привлекательность больше всего меня беспокоит. Но зря. Это всего лишь значит, что мне не составит труда ее трахнуть, что я само собой и сделаю, а потом выкину ее обратно на родину, в этот раз без чувств и без обещаний.

– Подробнее, Райнер. Расскажи в деталях. – Аврора снова трогает колечко в носу.

Глупая предсказуемая девчонка.

– Два месяца в деревне недалеко от Дублина. Токио, да? – Райнер озадаченно смотрит на меня.

– Толка. – Я запихиваю сжатые в кулак руки в карманы.

– Почти угадал, – ржет он.

Конечно. Просто перепутал город, страну и континент, дебил.

– Доэрти будет сочинять песни, а Ричардс записывать их в домашней студии, пока что акустическую версию. Эдакая художественная мастерская в старых добрых традициях. В марте Ричардс вернется в Нью-Йорк и запишет песни заново.

Райнер имеет в виду, что певец вернется, а профессионалы переделают его голос так, чтобы он не ломал своим звучанием стекла, бетон и силу человеческого духа. Я вижу, как за долю секунды лицо Авроры из раздраженного становится испуганным. Ее губы плотно сжаты.

– Дженкинс, на два месяца уезжаешь в Ирландию, все расходы беру на себя. Не благодари, – подмигивает Райнер.

– Погоди-ка, – поднимает Аврора руку. – Для чего это мне оставаться в Ирландии? Недельку поснимаю, а потом уеду, чтобы никому не надоедать.

Райнер качает головой.

– Это что-то типа документального репортажа. Нам нужны материалы за несколько часов кряду. Сотни фотографий. У нас масштабная рекламная кампания. Маркетинг предстоит такой жесткий, что деньги хлынут из задницы. Нужно как можно больше данных.

– Ты же не думаешь, что я буду жить в Ирландии целых два месяца? – натянуто улыбаясь, произносит Аврора.

Я знаю, почему ее ненавижу, но мне интересно, чем заслужил такую кислую мину. Помимо того, что сейчас веду себя как козел.

Если подумать, этого, наверное, достаточно.

А тут еще в дело вступает ее парень.

Богатый пижон, с которым она зарекалась встречаться. Однако в банкетном зале я заметил, что Аврора прицепилась к его руке в костюме от Brioni, как затхлое дыхание к чертову алкашу.

Как же мы разочаровали друг друга, принцесса.

– Я могу наездами работать в Ирландии, – предлагает Аврора, кусая губы. – Это не проблема, к тому же, уверена, здесь я тоже понадобится.

Райнер качает головой; его терпение, как и мое, на исходе.

– У Ричардса хаотичное расписание, поскольку он часто встречается в Лондоне с той телочкой, второй кузиной королевской семьи. Я не знаю, насколько часто он собирается туда мотаться. Тебе нужно быть на месте постоянно.

– В отеле? – с надеждой спрашивает она.

Настает мой черед улыбаться. Что сказать? Даже меня задела конкретно фиговая ситуация, в которой очутилась Аврора. Пусть на собственной шкуре прочувствует, как сильно я ее отымел.

– А в чем смысл? Мне нужно, чтобы ты жила с ними под одной крышей. Дженкинс, это проблема? – Райнер недовольно щурится. – Мне передать это задание другому фотографу? Может, более опытному?

Аврора хмуро смотрит на него и качает головой. Нет, уж она-то не из тех, кто пасует перед трудностями.

– Я выполню это задание так, как тебе и не снилось, – выдыхает она.

– Не сомневаюсь, крошка.

Какая мерзость. Он не мир просил ее спасти, а просто сделать несколько фоток Ричардса, имитирующего трудовую деятельность.

Аврора переводит внимание на меня. Я готов к общению, самодовольно ухмыляясь, будто не только нассал ей в джакузи, но и до кучи утопил ее парня.

– Мэл.

Выгибаю бровь.

– Аврора.

– Для сведения: у меня есть парень, – сухо говорит она, сбросив с плеч мое пальто и швырнув мне.

Я ловлю его и ненароком поднимаю левую руку, повернув ее к Авроре тыльной стороной, чтобы она заметила золотой ободок на моем безымянном пальце.

– Рад за тебя, милая, – невозмутимо отвечаю ей, крутя на пальце кольцо. – Уже целовались? Вырезали на дереве свои инициалы? Может, подарили друг другу кольца непорочности? – перечисляю я варианты, а потом качаю головой. – Не-а. Для этого уже слишком поздно.

Однако сомневаюсь, что она слышит мой монолог. Аврора целиком сосредоточена на обручальном кольце, следя за каждым моим движением. Я вижу в ее взгляде удивление и с радостью делюсь информацией, ведь я тот еще сострадательный ублюдок.

– Кэтлин. – Я засовываю руку в карман, заметив, что в обморок девушка не рухнула, хотя лицо ее стало белым как полотно, а пальцы вцепились в перила. – Вскоре после твоего отъезда. Красивая церемония, проведенная отцом Доэрти. Мои искренние извинения за то, что не отправил тебе приглашение.

Я вижу, как дрожит у Авроры шея, и вспоминаю, какой хрупкой она была в моих пальцах. Девушка поднимает подбородок, отказываясь склонить передо мной голову.

Еще вся ночь впереди, дорогая.

– Продаешь песни и женился на Кэтлин? – Ее лицо становится каменной маской, за которой не видно ни единой эмоции. – Ты прав, Мэл. Теперь у меня нет ни малейшего понятия, кто ты такой.

Райнер смотрит на нас, пытаясь оценить ситуацию. Он знает, что мы с Авророй знакомы, потому что я сам ему об этом рассказал. Но я представил нас старыми друзьями, а не настоящими извергами, что ближе к правде.

– Ребят, оставить вас наедине? – Он шмыгает крючковатым носом, докуривает сигарету и тушит ее о растение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.